

Федеральное агентство по образованию
Байкальский государственный университет экономики и права

Р. В. Мазюк

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Учебное пособие

Иркутск
Издательство БГУЭП
2007

УДК 343.13(075.8)

ББК 67.99(2)8я7

М 13

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета экономики и права

Научный редактор   Заслуженный юрист России,
доктор юридических наук,
профессор **И.В. Смолькова**

Рецензенты   прокурор Иркутской области,
Почетный работник прокуратуры,
Заслуженный юрист России
А.Н. Мерзляков

кандидат юридических наук,
доц. **Л.И. Лавдаренко**

Мазюк Р.В.

М 13

Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие / Р.В. Мазюк. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 79 с.

ISBN 978-5-7253-1258-8

Содержит историко-правовое исследование предпосылок и основных закономерностей возникновения, становления и развития понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного и советского периодов, а также периода разработки Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов, научных сотрудников, а также сотрудников правоохранительных органов.

ББК 67.99(2)8я7

ISBN 978-5-7253-1258-8

© Мазюк Р.В., 2007

© Издательство БГУЭП, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
§1. Возникновение понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода	6
§2. Становление учения об уголовном преследовании в советский период	35
§3. Развитие учения об уголовном преследовании в период разработки УПК РФ	61
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
БИБЛИОГРАФИЯ	70

ПРЕДИСЛОВИЕ

Включение в текст Уголовно-процессуального кодекса РФ понятия «уголовное преследование» имеет глубокие исторические предпосылки. Впервые данное понятие было использовано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (в дальнейшем сокращенно – УУС 1864 г.). Позже оно употреблялось в нормативно-правовых актах советского государства, но с принятием УПК РСФСР 1960 г. было отвергнуто законодателем. Возрождение научного и практического интереса к данному понятию не случайно.

Еще А. Ф. Кони писал: «Уголовное преследование слишком серьезная вещь, чтобы не вызывать самой тщательной обдуманности. Ни последующее оправдание судом, ни даже прекращение дела до предания суду очень часто не могут изгладить материального и нравственного вреда, причиненного человеку поспешным и неосновательным привлечением его к уголовному делу»¹. Эти строки, написанные столетие назад, и в настоящее время точно отражают значение уголовного преследования, основанное на том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В этой связи нельзя не согласиться с мнением И. В. Смольковой, полагающей, что «необходимость пересмотра отношения к обеспечению прав и законных интересов личности в современных условиях побуждает к переосмыслению требования о неотвратимости уголовной ответственности, непосредственно связанного с принципом публичности. Реализация идей построения правового государства несовместима с практикой принесения

---

¹ Кони, А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. / А. Ф. Кони. – М.: Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – С. 171.

в жертву любых интересов личности ради стремления не оставлять нераскрытым ни одно преступление»¹.

Особую актуальность понятие «уголовное преследование» приобретает в связи с провозглашением российского уголовного судопроизводства состязательным. Уголовное преследование рассматривается законодателем как функция, противоположная функции защите, а также как процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Все это приводит к неопределенному восприятию категории уголовного преследования и с теоретических, и с правоприменительных позиций. Так, по результатам проведенного в рамках данного исследования опроса сотрудников органов прокуратуры и внутренних дел Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа 76 % респондентов ответили, что для них в профессиональной деятельности понятие «уголовное преследование» не имеет какого-либо практического значения.

Такое отношение практических сотрудников к понятию «уголовное преследование» предопределено, очевидно, слабым представлением о значении данного понятия в системе категорий российского уголовного судопроизводства на разных этапах его исторического развития и, как результат, непониманием его роли в современном уголовном процессе. Между тем, понятие «уголовное преследование» в настоящее время можно рассматривать как традиционное для российского уголовного судопроизводства, имеющее важное значение в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Все вышеизложенное требует всестороннего историко-правового анализа с целью разработки нового подхода к оценке правовой природы и значения уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

---

¹ Смолькова, И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И. В. Смолькова. – М.: Луч, 1999. – С. 35.

§1. Возникновение понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода

Возникновение любого нового понятия в законодательстве всегда является событием неординарным для ученого-исследователя. Первый вопрос, который возникает при этом, - каковы его корни, какова история? Как представляется, сделать вывод о необходимости и уместности понятия в конкретном законе возможно только после его историко-правового исследования.

Историко-правовое исследование понятия «уголовное преследование» логично начать с Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в котором оно было впервые нормативно закреплено. Однако, прежде чем перейти к подробному анализу норм УУС 1864 г. и осмыслению нормативного значения перечисленных категорий в российском уголовном судопроизводстве того времени, представляется необходимым определить, что побудило законодателя использовать новое понятие, до этого ему не известное. Целью историко-правового исследования понятия «уголовное преследование» является выявление основных закономерностей употребления данного понятия в уголовно-процессуальном законодательстве и научной литературе, приведших в итоге к формулированию современного законодательного определения уголовного преследования как процессуальной деятельности стороны обвинения, осуществляемой в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Наиболее раннее упоминание термина *«преследование»* встречается у Я. И. Баршева, автора первого теоретического курса российского уголовного процесса «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству», изданного в 1841 г. В своем труде Я. И. Баршев рассматривает «преследование обвиняемого» как одну из мер процессуального принуждения («предуготовительные меры к исследованию преступления»), сущность которой описывает следующим образом: «Преследование обвиняемого есть одно из са-

мых надежных и лучших средств, поставить его к следствию и на суд в том случае, когда можно надеяться найти его на известном пути, и когда он по всему вероятно не находится еще в большом отдалении; оно, впрочем, не может простираться за пределы другого государства, разве в случае особенного договора о том. <...> Ежели посланный настигнет обвиняемого и он не даст взять себя, то, избегая, по возможности, драки, должно следовать за ним до ближайшего селения для изловления его при помощи тамошних жителей; но ежели невозможно будет избегнуть насильственного взятия и при этом обвиняемый будет убит по собственному его сопротивлению, то это убийство не ставится в вину»¹. Очевидно, что лексическая единица «преследование» в полной мере соответствовала категорийному аппарату розыскного типа процесса, существовавшего до Судебной реформы 1864 г.

Понятие «*изобличение*», точнее его словоформа «обличение», использовалось в Своде законов Российской империи 1832 г., который предусматривал, что «следствие есть изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и собрание доказательств к *открытию* и *обличению* виновного» (Т. XV, ст. 882)². Соответственно, «обличение» виновного (доказывание его виновности) не включало в себя его «открытие» (деятельность по его установлению), что позволяет сделать вывод об употреблении понятия «изобличение» в Своде законов 1832 г. как деятельности, направленной на доказывание виновности *конкретного лица*, уже установленного по делу. Данная норма, по-видимому, дала Я. И. Баршеву основания определять цель уголовного судопроизводства в том, «чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора

---

¹ Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 66.

² Линовский, В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 121.

относительно вины или невинности *изобличаемого* в каком-либо преступлении лица, признать его невинным или достойным известного наказания»¹. Таким образом, употребление словоформы от понятия «изобличение» в данном определении следует считать моментом зарождения самого термина «изобличение» как научной категории, ставшей базисной для российского уголовного судопроизводства на протяжении его последующей полуторавековой истории.

Трудно согласиться с мнением О. Д. Жука, который утверждает, что понятие «уголовное преследование» имеет более давнюю историю и содержалось еще в ст. 1 главы второй «Краткого изображения процессов или судебных или судебных тяжб» (1715 г.), где отмечалось, что «процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёбые дела основательным представлением и из обстоятельств дел обретенных доказов явны сочиняются, и потом от судей, по изобретению оных причин, решение чинится»². Анализ «Краткого изображения» показывает: в нем не употребляются понятия «уголовное преследование», «преследование», «изобличение», «обличение». Несомненно, что процитированная О. Д. Жуком норма имеет значение определения уголовного судопроизводства, однако она не дает оснований для выделения уголовного преследования как самостоятельной функции, так как весь розыскной процесс, по сути, представлял из себя единое публичное преследование лица, как со стороны административных органов государства, так и со стороны суда³.

---

¹ Баршев, Я. И. Указ. соч. – С. 35.

² Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О. Д. Жук // Законодательство. – 2004. – № 2. – С. 77.

³ Необходимо отметить, что словоформа понятия «изобличение» - «обличение», «обличать» - встречается в Воинском артикуле 1715 г., где используется в конструкции материально-правовых норм в значении «*застигнут в момент совершения преступления*» (арт. 24), «*объяснить свои слова*» (арт. 151), «*совершить преступление при свидетелях*» (арт. 196) (См.: Российское законодательство X – XX вв. В 9 т. / Отв. ред.

Уголовное преследование как самостоятельная процессуальная деятельность могло возникнуть исключительно в рамках функции обвинения, отделение которой от функции разрешения уголовного дела является существенным признаком состязательного типа уголовного судопроизводства, который берет в России свое начало с 1864 г.

20 ноября 1864 г. в результате проведения Судебной реформы были приняты «Судебные уставы», состоявшие из четырех законов: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства (в дальнейшем сокращенно – УУС 1864 г.), Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С. В. Познышев так охарактеризовал итог плодотворной работы российского законодателя: «Судебные Уставы представляют собою законодательный памятник, весьма замечательный по глубине и верности положенных в основу его начал, по систематичности изложения, по легкому, простому и вместе с тем изящному языку. В нашем законодательстве нет ни одной части, которая могла бы соперничать с ними в отношении систематичности, простоты и ясности изложения»¹. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ»².

А. Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1986. – Т. 4. – С. 327 - 365.), а также в Соборном уложении 1649 г. – в 3-х статьях, в том числе в главе X «О суде»: *А кто кабалу полживит, и в том обличен будет, что кабалу лживил не делом, и за то долг взяти на нем исцу вдвое* (ст. 259). В данном случае речь идет о гражданско-правовых отношениях, не касающихся судопроизводства (См.: Российское законодательство X-XX вв. ... – Т. 3. – С. 83 – 257).

¹ Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М.: Изд-во Г. А. Лемана, 1913. – С. 4.

² Цит. по: Шевчук, В. Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX - нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / В. Б. Шевчук. – СПб.: Санкт-Петербург. гуман. ун-т, 2004. – С. 75 – 76.

Вместе с тем, законы столь высокого правового уровня не могли быть разработаны российскими правоведами исключительно на основе действовавшего в то время российского законодательства, существовавших правовых традиций и юридической практики. Как указывал И. Я. Фойницкий, «в нашем новом процессе есть много сходного с английским и особенно с французским»¹. Представляется оправданным, не углубляясь в содержание английского и французского уголовного процесса того времени, попытаться установить, в какой части они повлияли на возникновение понятия «уголовное преследование» в отечественном уголовном судопроизводстве.

Что касается заимствований из английского уголовного процесса, то в части регламентации уголовного преследования говорить о каком-либо влиянии на отечественного законодателя сложно, так как институт публичного уголовного преследования под названием «дирекция публичного преследования» был введен в английском процессе только законом Prosecution of offenses Act от 03 июля 1879 г., то есть уже после вступления УУС 1864 г. в действие. До этого закона уголовное преследование существовало исключительно как прерогатива частных лиц, пострадавших от преступного посягательства. Как отмечал М. А. Чельцов-Бебутов, «неудобства отсутствия органа публичного преследования вызывали все более усиливавшиеся нарекания. Указывалось на то, что множество преступлений остается нераскрытыми, а с другой стороны, возбуждаемые потерпевшими обвинения нередко прекращаются путем сделок с обвиняемыми, и в то же время ряд обвинений возбуждается без достаточных к тому оснований»².

---

¹ Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: АЛЬФА, 1996. – Т. 1. – С. 44.

² Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – С. 410-412.

В основу проекта Устава уголовного судопроизводства был положен французский *Code d'instruction criminelle 1808* (Кодекс уголовного расследования 1808 г., в дальнейшем сокращенно – Кодекс 1808 г.)¹, в котором было «характерно разделение производства на предварительное следствие, негласное, находящееся под сильным влиянием прокурора, и судебное разбирательство, в котором в порядке гласного и устного состязания между прокурором и подсудимым с защитником проводилась проверка судом всех доказательств и выносился приговор»². Вместе с тем, как указывал М. А. Чельцов-Бебутов, «составители Устава уголовного судопроизводства внесли в него ряд поправок, смягчивших резко розыскной характер³ предварительного расследования французского процесса»⁴.

Многие категории и институты, существовавшие в УУС 1864 г., стали заимствованием из Кодекса 1808 г. Однако, по мнению Г. А. Джаншиева, составители судебных уставов «не довольствовались переводом соответственных постановлений европейских кодексов, а придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение»⁵.

---

¹ Кодекс уголовного расследования Франции действовал ровно полтора столетия (до 1958 года). Он стал моделью для законодательства многих стран Западной Европы (Италия, Германия, Испания, Португалия, Швейцария, Нидерланды). В Бельгии и Люксембурге он был официально принят как действующий законодательный акт и остается в силе до сих пор. (См.: Головкин, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головкин. – М.: СПАРК, 1995. – С. 7; Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. – М.: НОРМА, 2003. – С. 92.).

² Чельцов-Бебутов, М. А. Указ. соч. – С. 780.

³ По мнению А. В. Смирнова данный Кодекс сформировал смешанный (следственно-состязательный тип) уголовного судопроизводства (См.: Смирнов А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – С. 167.).

⁴ Чельцов-Бебутов, М. А. Указ. соч. – С. 780.

⁵ Джаншиев, Г. А. Основы судебной реформы / Г. А. Джаншиев. – М.: Статут, 2004. – С. 8.

Именно в Кодексе 1808 г. использовалось понятие «*l'action publique*», ставшее прототипом категории «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве.

Досудебное производство по Кодексу 1808 г. состояло из трех стадий: дознание, возбуждение уголовного преследования и предварительное следствие¹. Дознание² было направлено на установление события преступления. Данная деятельность осуществлялась полицией и оканчивалась передачей полученных материалов в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. Как указывает Л. В. Головкин, во французском уголовном процессе «дознание ни при каких обстоятельствах не может иметь место после того, как публичный иск уже возбужден. Прав А. И. Лубенский, называя акт возбуждения уголовного преследования «естественной границей», отделяющей дознание от предварительного следствия»³.

В данной системе понятие «*l'action publique*» использовалось для обозначения начатого (возбужденного) уголовного преследования. По мнению Л. В. Головкина, термин «*l'action publique*» точнее переводить как «публичный иск», что впрочем не слишком принципиально⁴. Это, действительно, не принципиально, а использование в русском переводе термина «*l'action publique*» слова «уголовный», а не «публичный» можно объяснить тем, что в тот исторический период «публичный» в России имел значение «народный, общенародный, всенародный, вселюдный». Такое значение рассматриваемого термина содержится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля, первое издание

---

¹ Головкин, Л. В. Указ. соч. – С. 17.

² Французский термин «дознание» (*enquete*) происходит от латинского слова «*inquista*» — одной из форм глагола «*inquirere*» (разыскивать, исследовать). Лингвисты отмечают, что «*enquete*» — это изучение какого-либо вопроса, осуществляемое с помощью собирания свидетельств и выполнения опытов (См.: Головкин, Л. В. Указ. соч. – С. 13.).

³ Головкин, Л. В. Указ. соч. – С. 11.

⁴ Там же. – С. 7.

которого пришлось именно на годы судебной реформы (1863-1866). В этом Словаре приводятся примеры общепринятого употребления слова «публичный» в тот период: «публичные здания, больницы, театры и пр.»; «об этом говорят публично, гласно»¹. Соответственно, понятие «публичное преследование», скорее всего, ассоциировалось бы с «народным преследованием», «гласным преследованием», а не «государственным»². В этом смысле понятие «уголовное преследование» при переводе термина «l'action publique» семантически в большей степени отражало содержание процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах государства.

Вместе с тем, понятие «*уголовный иск*» в УУС 1864 г. также употреблялось, но только в двух случаях:

– в ст. 5, которая определяла порядок рассмотрения дел частно-публичного обвинения, заключавшийся в том, что «право возбуждения уголовного иска принадлежит потерпевшему лицу, а дальнейшее судебное преследование – прокурору или его товарищу»;

– в ст. 593, которая закрепляла основание прекращения уголовного дела вследствие неявки в судебное разбирательство

---

¹ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 3. – С. 535.

² В УУС 1864 г. встречается понятие «публично». Во всех случаях оно используется в значении «гласно», «открыто» («Мировой судья разбирает дела изустно и *публично*» (ст. 88); «Постановив приговор, мировой судья записывает его вкратце и объявляет участвующим в деле лицам *публично* в том же заседании, в котором разбирательство дела окончено» (ст. 127); «Судебные заседания по делам о преступлениях и проступках происходят *публично*» (ст. 620); «Частные жалобы и протесты рассматриваются судебной палатой в *публичном заседании* и разрешаются немедленно по их получении» (ст. 900); «Протоколы по нарушениям сего рода в С.-Петербурге и Москве составляются чиновниками полиции совместно с членом физиката или медицинской конторы в присутствии члена мануфактурного совета и архитектора от управления путей сообщения и *публичных зданий*» (примечание к ст. 1225)).

потерпевшего или его представителя по делу частного обвинения: «Неприбытие в суд частного обвинителя или его поверенного без законных на то причин признается отречением от уголовного иска и имеет последствием прекращение дела».

Таким образом, понятие «уголовный иск» использовалось в УУС 1864 г. исключительно в случаях, предусматривающих реализацию частного начала в уголовном судопроизводстве по делам частного и частно-публичного обвинения.

Необходимо отметить, что в Кодексе 1808 г. термин «*l'action publique*» преимущественно использовался в «Вводных положениях». В остальных частях данное понятие не употреблялось, за исключением ст.ст. 637 и 640, которые регулировали порядок исчисления сроков давности за совершенные преступления. В частности, ст. 637 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «уголовное преследование (*l'action publique*) и гражданский иск (*l'action civile*) по преступлениям, наказуемым смертной казнью или пожизненным заключением... не могут быть возбуждены по истечении десяти лет с момента, когда преступление предположительно было совершено, если в этот период не производились подготовительные действия либо преследование»¹. Ст. 640 предусматривала, что «уголовное преследование и гражданский иск за правонарушение не могут иметь место по истечении одного года, начиная со дня его совершения». Необходимо отметить, что и приведенных статей, и в «Вводных положениях» понятие «*l'action publique*» (уголовный иск) использовалось в одних нормах с понятием «*l'action civile*» (гражданский иск), что позволяет сделать вывод о стремлении французского законодателя подчеркнуть схожую юридическую природу данных категорий, а также их тесную связь в структуре уголовного судопроизводства того времени.

Таким образом, прослеживается единая закономерность употребления понятий «*l'action publique*» (*уголовный иск*) и «*l'action civile*» (*гражданский иск*) в Кодексе уголовного рассле-

---

¹ Здесь и далее перевод с французского мой – Р. М.

дования 1808 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.: оба эти понятия использовались французским и российским законодателем в тех положениях, которые касались реализации частных начал в уголовном судопроизводстве, что, очевидно, позволяло на терминологическом уровне разграничивать полномочия потерпевшего, выразившиеся в требовании, с одной стороны, о привлечении лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности (уголовный иск), а с другой – требовании о возмещении материального ущерба, причиненного данным лицом в результате совершения этого преступления (гражданский иск). Такой подход законодателя объяснялся, по утверждению А. Квачевского, неумением вплоть до Судебной реформы «отличать частный интерес от общественного, гражданское дело от уголовного», что «усложняло путаницу, происходившую от неясностей узаконений об уголовном и гражданском иске и распложило переписку: нередко производились уголовные следствия по делам, имевшим чисто гражданский характер, а истец заводил иск по основаниям уголовным, суды производили гражданским порядком и решали его прежде начатия уголовного производства и дела оканчивались уничтожением всего производства, как неправильного и незаконного»¹.

Наравне с понятием «l'action publique» в Кодексе 1808 г. употреблялось понятие «*poursuite*», которое с французского языка дословно переводится как: «преследование, погоня, судебное преследование»². Так, ст. 6 Кодекса 1808 г. предусматривала, что «судебное преследование (*poursuite*) возбуждается по требованию прокуратуры того места, где находится подследственный либо где он может быть задержан». Ст. 61 устанавливала, что

---

¹ Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство / А. Квачевский. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. – Т. 1. – С. 76.

² Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триюфа. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1998. – С. 777.

«Кроме случаев обнаружения очевидного преступления, следственный судья не производит ни подготовительных действий, ни судебного преследования (*poursuite*), пока он не проинформирует об этом императорского прокурора, который может, более того, затребовать отчет обо всех предпринятых действиях в течение двадцати четырех часов». В целом, понятие «*poursuite*» в Кодексе 1808 г. употреблялось в значении «преследование» в узком смысле, то есть осуществление процессуальной деятельности в отношении конкретного лица, привлеченного к рассмотрению¹.

Таким образом, в Кодексе 1808 г. для обозначения процессуальной деятельности органов государства использовались различные понятия «*l'action publique*» и «*poursuite*»: первое означало «уголовное преследование» в широком смысле (в значении «уголовный иск»), то есть возможность применения средств государственного принуждения к лицам, совершившим преступление, посредством уголовного судопроизводства, а второе – «судебное преследование» в узком смысле, то есть процессуальная деятельность, осуществляемая в отношении конкретного лица.

Российские составители Устава 1864 г., очевидно, основывались на аналогичном подходе использования дифференцированного значения категории «уголовное преследование», с одной лишь оговоркой, что в УУС 1864 г. данное понятие употреблялось в трех разновидностях: «судебное преследование», «уголовное преследование» и «преследование»².

---

¹ По утверждению Л. В. Головки, теория правоотношений в уголовном судопроизводстве никогда не привлекала французских юристов. Видимо, это является причиной того, что проблема процессуального статуса обвиняемого мало разработана во французской науке. До сих пор не существует даже единого определения процедуры предъявления обвинения. Поэтому в уголовном процессе Франции чаще всего используется категория «лицо, привлеченное к рассмотрению» (См.: Головка, Л. В. Указ. соч. – С. 76, 82, 96).

² Понятия перечислены в порядке ограничения их нормативного значения, в котором они употреблялись в УУС 1864 г.

Понятие «*судебное преследование*» наиболее часто использовалось в положениях УУС 1864 г. Так, ст. 1 УУС гласила: «Никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не быв привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава». Прежде всего, необходимо отметить, что именно данная норма ввела в научный оборот другую категорию, ставшую предметом многочисленных дискуссий в среде процессуалистов, - категорию «*привлечение к уголовной ответственности*». Анализ положений УУС 1864 г. позволяет сделать вывод, что законодатель изначально допустил ошибку, используя для обозначения уголовно-процессуальных отношений (привлечение в качестве обвиняемого) материально-правовой термин (привлечение к уголовной ответственности). Впрочем, данная проблема не является предметом настоящего исследования, поэтому следует исходить из того, что приведенная норма означала запрет подвергать кого-либо судебному преследованию без предварительной процедуры привлечения в качестве обвиняемого. При этом, согласно примечанию к ст. 1 УУС 1864 г., «к судебному преследованию не относятся меры, принимаемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений и проступков в порядке, установленном законами». Поэтому, например, дознание, осуществляемое полицией в случаях, «когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте» (ст. 252 УУС 1864 г.)¹, а также «когда признаки преступления или проступка сомнительны или когда о происшествии, имеющем такие признаки, полиция известится по слуху (народной молве) или вообще из источника не вполне достоверного»

---

¹ В этом случае «полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя» (ст. 258 УУС 1864 г.).

(ст. 253 УУС 1864 г.), нельзя рассматривать как судебное преследование. В то же время, деятельность полиции в данных случаях носит процессуальный характер, так как направлена на установление признаков преступления и закрепления его следов.

В итоге, к «судебному преследованию» следует относить деятельность:

- 1) прокуроров и их товарищей;
- 2) судебных следователей;
- 3) судебных органов.

Указанные органы и должностные лица, вместе с тем, исходя из их назначения в уголовном судопроизводстве, осуществляли процессуальную деятельность различной функциональной направленности:

1) предварительное следствие (исследование) (ст. 249 УУС 1864 г.);

2) предание суду и поддержание обвинения в суде (ст.ст. 510-528; 595-749 УУС 1864 г.);

3) рассмотрение дела по существу (ст.ст. 42-172; 543-834 УУС 1864 г.).

Поэтому необходимо заключить, что законодатель, объединив перечисленные направления процессуальной деятельности в рамках общей категории «судебное преследование», придал ей **межфункциональное значение** – как публичный механизм в лице специальных государственных органов и должностных лиц, направленный на раскрытие преступлений и признание в судебном порядке виновными лиц, которые их совершили.

Кроме того, в отдельных статьях УУС 1864 г. термин «судебное преследование» использовался как синоним понятий «уголовное дело», «производство по делу». Так, ст. 2 УУС 1864 г. предусматривала, что «судебное преследование возбуждается как должностными, так и частными лицами». Ст. 16 УУС 1864 г. в упрощенной форме воспроизводила содержание ст. 24 действующего УПК РФ: «Судебное преследование в отношении к уголовной ответственности обвиняемого не может быть возбуждено, а начатое подлежит прекращению: 1) за смертью обвиняемого; 2) за истечением давности...».

Различие в употреблении данных понятий заключается в том, что понятие «судебное преследование» использовалось законодателем, как уже отмечалось, в процессуальных нормах общего характера, а понятия «дело», «производство по делу» – в специальных нормах.

Наконец, так же как термин «*l'action publique*» употреблялся преимущественно в «Вводных положениях» Кодекса 1808 г., понятие «*судебное преследование*» использовалось законодателем чаще всего в «Общих положениях» УУС 1864 г.¹ На единое значение данных понятий указывал и И. Я. Фойницкий: «Наш устав, как замечено, начальной стадии обвинения усваивает термин возбуждения *судебного преследования* или *уголовного иска*»². Таким образом, термин «судебное преследование» в УУС 1864 г. и термин «*l'action publique*» в Кодексе 1808 г. имели одинаковую смысловую нагрузку.

Термин «*уголовное преследование*» в УУС 1864 г. использовался законодателем менее активно – только в 3-х нормах (ст.ст. 529, 542 и 772 УУС 1864 г.). Указанные статьи регулировали порядок приостановления, прекращения или возобновления уголовного преследования. Так, ст. 529 УУС 1864 г. определяла, что «судебная палата приступает к рассмотрению обвинительных актов или представлений о *прекращении* или *приостановлении* уголовного преследования не иначе как по письменным предложениям состоящего при ней прокурора». Ст. 542 УУС 1864 г. предусматривала основания *возобновления* производства по делу, в том числе «когда после прекращения дела за нерассмотрением гражданским или духовным судом вопросов, обусловливающих уголовное преследование, вопросы те будут разрешены в смысле, допускающем такое преследование». Наконец, «освобожденный от суда без указания его вины может просить, чтобы

---

¹ И в нескольких статьях Книги третьей «Изъятия из общего порядка уголовного судопроизводства», также имеющих характер общих положений.

² Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – Т.2. – С. 10.

суд определил его виновность и то наказание, которому он подлежал бы, если бы в деле не оказалось законной причины к **прекращению** уголовного преследования» (ст. 772 УУС 1864 г.). Следует отметить, что термин «уголовное преследование» использовался при регулировании именно случаев приостановления, прекращения или возобновления производства по уголовному делу, осуществляемого **в отношении конкретного лица**.

В процессуальной литературе конца XIX – начала XX вв. активно употреблялось понятие «**возбуждение уголовного преследования**». Парадоксальность ситуации заключается в том, что УУС 1864 г. не содержал такого понятия¹. Оно являлось исключительно теоретическим и рассматривалось правоведами того времени как «обязательное для уголовного суда, к которому оно обращается, требование о судебном-уголовном исследовании и разрешении данного дела»². При этом, как указывал И. Я. Фойницкий, «возбуждение уголовного преследования, по смыслу действующего законодательства, слагается из двух процессуальных актов - **предъявления обвинения суду и принятия его судом**. Каждое обвинение, предъявленное уполномоченным на то обвинителем компетентному суду и удовлетворяющее необходимым для того юридическим условиям (материальным и формальным), должно быть принято судом, и в результате такого принятия получается судебное определение о привлечении к суду данного лица в качестве обвиняемого»³.

УУС 1864 г., действительно, не предусматривал возможность привлечения лица в качестве обвиняемого на стадии предварительного следствия. Обвиняемым в нормах УУС 1864 г. называлось любое лицо, в отношении которого имелось заявление

---

¹ В УУС 1864 г. содержатся понятия «возбуждение уголовного иска» (ст. 5), «возбуждение судебного преследования» (ст. 16), «возбуждение дела» (ст. 297), «возбуждение следствия» (ст. 479), но не «возбуждение уголовного преследования».

² Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – Т. 2. – С. 13.

³ Там же. – С. 10.

(или, точнее, - «объявление») потерпевшего либо очевидцев преступления, что само по себе являлось законным поводом для возбуждения производства по уголовному делу (ст. 297), но не основанием для наделения данного лица процессуальным статусом обвиняемого. При этом, ст. 299 УУС 1864 г. предусматривала, что «**обвинение** кого-либо в преступном деянии, при котором обвинитель не был очевидцем, не составляет достаточного повода к начатую следствия, если обвинителем не представлены **доказательства в достоверности обвинения**». Таким образом, можно утверждать о наличии на данной стадии **фактического обвинения** лица в совершении преступления, но не процессуального¹. Вместе с тем, для обозначения такого лица составители УУС 1864 г. все же использовали термин «обвиняемый», наравне с которым активно употреблялся и термин «подозреваемый». Анализ норм УУС 1864 г. позволяет заключить, что понятие «подозреваемый» использовалось для характеристики лица, задержанного полицией на месте преступления (ст.ст. 256, 257), а также лица, на которое не указал потерпевший или очевидцы как на совершившее преступление, но в отношении которого имеются достаточные данные о причастности к совершению преступления (ст.ст. 47, 276, 314). Однако, необходимо признать, что составители УУС 1864 г. не предполагали концептуальных различий между понятиями «подозреваемый» и обвиняемый»: «Каждый **обвиняемый** допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы **подозреваемые** в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой» (ст. 407). . Понятия «подозрение» и «обви-

---

¹ По мнению комментаторов УУС 1864 г., термин «обвинение», используемый в ст. 299, является неудачным. Более корректным на момент подачи жалобы потерпевшим или очевидцами является термин «объявление» лица в совершении преступления (См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / При участии: сенаторов А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева и др.; Под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. – Вып. III.: Ст.ст. 249 – 594. – М.: Изд-во А. И. Мамонтова, 1914. – С. 671.).

нение» в УУС 1864 г также употреблялись как однопорядковые. Так, ст. 74 предусматривала возможность потребовать мировым судьей от обвиняемого поручительства или залога, «когда **обвиняемый подозревается** в преступном действии, за которое в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое».

Таким образом, составители УУС 1864 г. исходили из того, что лицо не может обвиняться в совершении преступления (а может только подозреваться), пока такое обвинение не будет выдвинуто в официальном порядке. На стадии предварительного следствия такой порядок предусмотрен не был.

В качестве официального порядка выдвижения обвинения, или, используя теоретическую терминологию, – «**возбуждения уголовного преследования**», как представляется, необходимо рассматривать процедуру **предания суду**, ставшую после Судебной реформы новой стадией российского уголовного судопроизводства¹. Предание суду по УУС 1864 г. состояло из нескольких этапов:

1) после окончания предварительного следствия уголовное дело направлялось прокурору, который принимал одно из следующих решений (ст. 510):

а) подлежит ли дело ведению прокурорской власти;

б) произведено ли следствие с надлежащей полнотой и

в) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем

Должно быть прекращено или приостановлено.

2) в случае, если прокурор принимал решение о предании обвиняемого суду, заключение об этом излагалось в форме **обвинительного акта** (ст. 520);

3) обвинительный акт направлялся прокурором (ст. 523):

а) по делам о преступлениях, за которые не могло быть на-

---

¹ По утверждению исследователей УУС 1864 г., «обряд предания суду есть по всей вероятности та часть уголовного судопроизводства, которая всего более приближает наш Устав к французскому» (Цит. по: Головки, Л. В. Указ. соч. – С. 56.).

значено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния, - в *окружной суд*;

б) по делам о преступлениях, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния, - *прокурору судебной палаты*;

4) *окружной суд*, получив дело, незамедлительно приступал к производству по нему (ст. 527);

5) прокурор судебной палаты на заседании судебной палаты представлял дело к рассмотрению, по результатам которого «признав следствие достаточно полным и произведенным без нарушения существенных форм и обрядов судопроизводства, палата постановляет *окончательное определение о предании суду*¹ или о прекращении дела, а в противном случае обращает его к доследованию или законному направлению» (ст. 534).

Таким образом, именно через процедуру предания суду осуществлялось «требование о судебно-уголовном преследовании» лица со стороны прокурора перед органами суда, то есть возбуждалось его уголовное преследование, или *процессуальное обвинение*, в результате чего такое лицо получало официальный статус обвиняемого². И. Я. Фойницкий, при этом, уточнял: «Воз-

---

¹ И. Я. Фойницкий по этому поводу справедливо отмечает: «Последний субъект возбуждения уголовного преследования есть суд. Предоставление обвинительной деятельности суду является глубоким отступлением от состязательного порядка процесса, основанного на разделении функций, и потому оно поставлено в узкие рамки» (См.: Фойницкий, И. Я. . Указ соч. – Т. 2. – С. 22.).

² В данном случае речь не идет о делах частного обвинения, на которые стадия предания суду не распространялась. Обвиняемым в процессуальном смысле по делам частного обвинения признавалось лицо, в отношении которого была подано заявление потерпевшим, с момента принятия такого заявления мировым судьей к своему производству (что также является актом возбуждения уголовного преследования). По выражению И. Я. Фойницкого, при возбуждении уголовного преследования у мирового судьи начальное обвинение «непосредственно сливается с обвинением окончательным» (См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. – Т 2. – С. 11.).

буждение преследования не следует смешивать с начатием дела в судебном порядке; начатие дела есть акт судебный, возбуждение преследования - акт обвинителя; иногда в уголовно-судебном порядке дело начинается и при отсутствии обвинения, например для исследования причины пожара»¹.

Обращает на себя внимание позиция И. А. Шевченко, пытающегося соотнести понятия «возбуждение *уголовного* преследования» и «возбуждение *судебного* преследования». По его мнению, «данные понятия имеют одинаковый смысл и значение, но они по своей сути выражают различное содержание процедуры возбуждения производства по уголовному делу. Это различие определяется, прежде всего, существованием двух типов уголовных процессов: состязательного (обвинительного) и следственного (розыскного), то есть существовало две формы возбуждения производства по уголовному делу. При состязательном процессе уголовное дело возбуждалось непосредственно перед судом, при следственном процессе возбуждение производства по уголовному делу осуществлялось специальным государственным органом»². Данное сравнение представляется спорным. Прежде всего, как было уже установлено, в период существования розыскного процесса в России законодатель еще не использовал понятие «возбуждение уголовного преследования», поэтому сравнивать указанные понятия необходимо в рамках одного типа уголовного процесса – состязательного. В рамках данного типа процесса, урегулированного УУС 1864 г., понятие «возбуждение судебного преследования» действительно использовалось для обозначения возбуждения **производства по уголовному делу**, в то время как понятие «возбуждение уголовного преследования» использовалось для обозначения возбуждения **обвинения** в уголовном деле

---

¹ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – Т. 2. – С. 10.

² Шевченко, И. А. Процессуальные и организационно-методические проблемы возбуждения производства по уголовному делу / И. А. Шевченко. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО Саратов. гос. акад. права, 2005. – С. 37 – 38.

(посредством процедуры предания суду, о чем писалось выше).

Наконец, использовавшийся в УУС 1864 г. термин «*преследование*», без определений «судебное» либо «уголовное», встречался только в синтаксических конструкциях, содержащих указание на преступления (проступки) как на объект такой процессуальной деятельности. В частности, термин «преследование» употреблялся в следующих положениях Устава:

– «Мировой судья приступает к разбирательству дел... по непосредственно усмотренным им *преступным действиям*, подлежащим *преследованию* независимо от жалоб частных лиц» (п. 3 ст. 42);

– «Полицейские и другие административные власти сообщают мировому судье о тех обнаруженных ими в круге их действия *проступках*, которые подлежат *преследованию* без жалоб частных лиц» (ст. 49);

– «Следствие, возбужденное жалобой частного обвинителя, представляется прокурору или его товарищу лишь для удостоверения в том, не заключает ли в себе дело *преступления*, подлежащего *преследованию* прокурорской властью» (ст. 479);

– «Если предметом следствия [стало] *преступное деяние*, подлежащее *преследованию* в частном порядке, то обязанности прокурора ограничиваются лишь передачей дела в надлежащее судебное установление» (ст. 511).

Необходимо отметить, что сочетание понятий «преследование» «преступления» противоречит правилам русского языка, так как преступление всегда является ретроспективным событием, имевшим место в прошлом, в то время как преследование может осуществляться только в отношении того, что существует в настоящем. Поэтому категория «преследование преступления», означающая в современной интерпретации «*раскрытие преступления*»¹, в статьях УУС 1864 г. являлась *катахрезой*². Следует

---

¹ В УУС 1864 г., кстати, «раскрытие» используется в сочетаниях «раскрытие обстоятельств дела», «раскрытие истины», что также синонимично понятию «раскрытие преступления».

² Катахреза (от *греч.* *katachresis* — злоупотребление, неправильное

также обратить внимание на то, что законодатель не пошел по пути заимствования значения термина «преследовать» из розыскного типа процесса, в котором, как указывалось ранее, он использовался применительно к субъекту преступления («преследование обвиняемого»).

Сравнительно-правовое исследование УУС 1864 г., думается, было бы неполным без рассмотрения таких понятий, как «*изобличение*», «*обличение*», «*уличение*». Это обусловлено тем, что в современном определении уголовного преследования категория «изобличение» является ключевой, посредством которой современный законодатель обозначает цель уголовного преследования. Представляет интерес, каким был подход составителей УУС 1864 г. к использованию перечисленных категорий в нормах Устава.

Каждое из перечисленных понятий употреблялось в УУС 1864 г. по 4 раза. Понятие «*изобличение*» использовалось как синоним понятия «доказывание» (ст.ст. 21, 24, 771, 963)¹, «*обличение*» преимущественно употреблялось в словосочетании «обличение пред судом» (ст.ст. 3-5; 696). Что же касается понятия «*уличение*», то оно всегда употреблялось в конструкции «обстоятельства, уличающие» обвиняемого (подсудимого) (ст.ст. 265, 666, 722, 739). Специфика их использования в сочетаниях с различными категориями, по-видимому, объясняется оттенками значений самих понятий. Так, согласно Толковому словарю русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова:

1) изобличить – доказать чью-нибудь виновность в чем-нибудь²;

употребление слова) – соединение противоречивых понятий, употребление слова не в соответствии с этимологическим его значением (Краткий словарь иностранных слов: Ок. 8000 слов / Авт.-сост. Е. А. Гришина. – М.: АСТ, 2005. – С. 274.).

¹ УУС 1864 г. понятие «доказывание» не содержит, хотя подробно регулирует данный процесс. Очевидно, что термин «изобличение» обозначал именно его.

² Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книг. – Т. 1. – С. 460.

2) обличать – высказывая правду, порицая, разоблачать; обнаруживать, показывать, раскрывать¹;

3) уличить – открыть доказательства чьей-нибудь виновности².

И, действительно, данные значения полностью соответствуют тем контекстам, в которых употреблялись рассматриваемые понятия в УУС 1864 г. Например:

– «Осужденный отправляется на место казни в арестантском платье с надписью на груди о роде вины его, а если он *изобличен* в убийстве отца или матери, то и с черным покрывалом на лице» (п. 2 ст. 963);

– «По уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, *обличение обвиняемых пред судом* возлагается на прокуроров и их товарищей» (ст. 4);

– «При производстве следствия судебный следователь обязан с полным беспристрастием приводить в известность как *обстоятельства, уличающие* обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265).

Таким образом, рассмотренные понятия в целом *характеризовали процесс доказывания* в уголовном судопроизводстве, при этом, сам процесс доказывания обозначался посредством категории «изобличение», в то время как производные от нее формы («обличение» и «уличение») использовались для обозначения отдельных аспектов данного процесса: уличение – доказывание виновности лица в совершении преступления, обличение – поддержание обвинения в суде. Таким образом, следует признать, что понятие «изобличение» не носило обвинительного характера (доказывание только виновности); «изобличение» подразумевало установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Учитывая вышеизложенное, представляется не совсем точным вывод Ю. В. Деришева о том, что «в Уставе уголовного судопроизводства (УУС) Российской империи 1864 г. уголовно-

---

¹ Там же. – Т. 2. – С. 141.

² Там же. – Т. 3. – С. 466.

процессуальная деятельность описывалась посредством трех, *не различаемых принципиально* (курсив мой – Р. М.) терминов: "уголовное судопроизводство", "уголовное преследование" и "судебное преследование", которые в законе использовались субсидиарно»¹. Во-первых, термины «уголовное судопроизводство» и «судебное преследование» не являлись идентичными: судебное преследование не включало в себя деятельность полиции по осуществлению дознания (ст.ст. 250 – 261 УУС 1864 г.), которое, тем не менее, относилось к сфере уголовного судопроизводства. А во-вторых, термин «уголовное преследование» являлся более узким по значению, чем термин «судебное преследование», и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде.

В научной литературе конца XIX – начала XX вв. термин «уголовное преследование» использовался повсеместно, однако авторы исходили из различного понимания данной категории.

А. Квачевский, одним из первых представивший научное исследование российского уголовного судопроизводства на основе УУС 1864 г.², называл уголовным преследованием процессуальную деятельность органов прокуратуры, включавшую в себя:

- 1) возбуждение уголовного дела требованием производства следствия;
- 2) наблюдение за производством следствия;
- 3) предание обвиняемого суду, то есть предъявление обвинения против известного лица в суде;
- 4) состязание обвинителя с обвиняемым в судебном следствии и участие в постановлении приговора заявлением предложе-

---

¹ Деришев, Ю. В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. В. Деришев. – Омск: Ом. акад. МВД России, 2005. – С. 20.

² Привлекает внимание, в первую очередь, название труда А. Квачевского «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 года», исходя из которого можно предположить равнозначную оценку автором перечисленных категорий, например, как стадий уголовного судопроизводства.

ний о виновности подсудимого и мере взыскания с него;

5) обжалование судебных приговоров;

6) надзор за исполнением приговора¹.

Важным является указание А. Квачевского на то, что «закон отделяет следствие от иска не только тем, что не предоставляет чинам прокурорского надзора производить следственные действия, но и тем, что выделяет из следствия уголовное преследование и предоставляет его не следователю, а другим лицам, чтобы избежать тех недостатков, которыми страдает наше старое следствие, чтобы поставить следователя в более беспристрастное положение, чем ставился он Сводом законов. Однако же, несмотря на признание за основное начало такого разделения двух несовместимых должностей и властей, закон дал участие в уголовном преследовании и судебному следователю: он, как и мировой судья, возбуждает уголовные дела по непосредственному усмотрению (Уст. угол. суд. ст. 297 п. 5)»². Таким образом, уголовное преследование рассматривалось ученым как ведомственная деятельность, осуществляемая исключительно органами прокуратуры, но с делегацией отдельных полномочий судебному следователю и мировым судьям (в части права на возбуждение уголовного дела по своему усмотрению). В прокурорское уголовное преследование А. Квачевский включал любую деятельность, связанную с реагированием на совершенное преступление, в том числе прокурорский надзор за предварительным следствием.

Н. М. Муравьев считал, что уголовное преследование – это «деятельность, направленная к раскрытию преступления и к изобличению виновного в нем лица, с целью подвергнуть его подлежащему наказанию»³. Тем самым он расширительно толковал значение уголовного преследования, как производство по уголовному делу в целом.

---

¹ Квачевский, А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 133.

² Там же. – Т. 1. – С. 155 – 156.

³ Муравьев, Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 7. – С. 1.

В. Случевский, не предлагая определения уголовного преследования, рассматривал его в рамках теории уголовного иска, выделяя 2 стадии его движения: а) возбуждение уголовного иска (преследования); б) обличение виновного пред Судом. В. Случевский справедливо обращал внимание на то, что «при возбуждении преследования может и не обнаружиться еще личность виновника, но в таком случае личность эта должна обнаружиться при дальнейшем движении уголовного иска, иначе такой не может разрешиться постановкою приговора»¹. Вместе с тем, оценивая данное положение, необходимо заключить, что автор придавал понятию «возбуждение уголовного иска» значение возбуждения уголовного дела, не исключавшего возможность отсутствия на момент его возбуждения лица, подозреваемого в преступлении, что явно противоречит смыслу понятия «иск» как требования о применении к конкретному лицу мер наказания за совершенное преступление.

С. И. Викторский также рассматривал уголовное преследование как уголовный иск, но находящийся в тесной взаимосвязи с иском гражданским: «Преступление прежде всего затрагивает публичные интересы, что и вызывает необходимость борьбы с ним со стороны государства; другим последствием преступления является нарушение материальное, т.е. от преступления страдает также и само право или благо, принадлежащее кому-либо, чей-либо интерес. Отсюда во-первых, уголовное преследование – в смысле полномочия государства требовать расследования дела судебным порядком и наказания виновного и, во-вторых, гражданский иск, сводящийся к требованию частных лиц потерпевших восстановить нарушенное материальное или вознаградить за него. Таким образом, цель уголовного преследования или уголовного иска – применение наказания, а иска гражданского – вознаграждение потерпевшего или восстановление вещи в преж-

---

¹ Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп. / В. Случевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – С. 501.

нем виде»¹. Подход С. И. Викторского к пониманию уголовного преследования не как процессуальной деятельности, вытекающей из уголовного иска, а как абсолютного синонима уголовного иска, то есть как «требования» самого по себе, представляется также менее удачным, чем деятельностный подход.

Для осмысления правовой природы понятия «уголовное преследование» в УУС 1864 г. весьма важным является вопрос о соотношении данного понятия с понятием «*обвинение*». Как уже указывалось, исходя из системного толкования норм УУС 1864 г., возбуждение уголовного преследования влечет предъявление лицу, совершившему преступление, посредством процедуры предания суду процессуального обвинения. И. Я. Фойницкий в этой связи писал: «Возбуждением уголовного преследования открывается уголовный иск, и лицо, против которого оно направляется, становится обвиняемым. На судебную власть оно налагает обязанность приступить к производству дела, если *обвинение* удовлетворяет необходимым для него юридическим условиям, и *уголовное преследование*, раз возбужденное, может быть прекращено только судом (ст. 277 УУС). Оно, таким образом, представляется составной и весьма важной *частью обвинения*, а потому и организация его примыкает к организации публичного обвинения»². Это, по мнению И. Я. Фойницкого, первое («первоначальное») обвинение; второй частью обвинения («окончательным обвинением») является «обличение обвиняемых перед судом»: «каждая из этих частей развивается в самостоятельную процессуальную стадию, более и более обособляющуюся и по органам, и по правилам производства; и чем дело важнее, чем торжественнее процесс, тем расчленение это полнее и глубже, тем более первоначальное обвинение отступает от типа искового требования, сохраняемого для обвинения окончательно»³.

---

¹ Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – М.: Казенная железнодор. Тип. Москов. узла, 1911. – С. 159.

² Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – Т. 2. – С. 12.

³ Фойницкий, И. Я. Указ. соч. – Т. 2. – С. 8.

Н. В. Муравьев, напротив, считал, что обвинение – это часть уголовного преследования: «Что же касается до «обвинения», од-нозначающего с «обличением», то под тем или другим подразу-меваются лишь часть или отдел уголовного преследования, один из процессуальных его моментов, ограниченный собственно су-дебным разбирательством, точнее – преследование перед судом, в судебном его заседании»¹.

С. И. Викторский указывал, что уголовное преследование «может быть названо и обвинением», при этом «оно равняется не только возбуждению преследования, но и обличению обвиняе-мых на суде»².

Таким образом, в науке уголовно-процессуального права дореволюционного периода не существовало единого мнения о соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвине-ние».

Наконец, еще одним немаловажным аспектом исследуемой темы является рассмотрение *видов уголовного преследования*. В качестве критериев выделения видов уголовного преследования обычно называли «тот или другой интерес, во имя которого пре-следование производится, и тот или другой его деятель, субъект или орган»³. На основании данного критерия выделялись два ос-новных вида уголовного преследования – *частное* и *публичное*.

Н. М. Муравьев называл виды уголовного преследования «формами» и рассматривал их следующим образом: частная – «когда преследование это производится частным лицом, реально пострадавшим от преступления и преследующим ею единственно в личном своем интересе, для возмещения своей обиды или вос-становления своего нарушенного права», и публичная – «когда отвлеченным, идеальным субъектом преследования выступает

---

¹ Муравьев, Н. В. Из прошлой деятельности. Статьи по судебным во-просам / Н. В. Муравьев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – Т. 1. – С. 533 – 534.

² Викторский, С. И. Указ. соч. – С. 161.

³ Муравьев, Н. М. Задачи прокурорского надзора... – С. 2.

общество или государство, действующего во имя общего блага и общих, страдающего от преступления интересов, носителем которых оно является по самой природе своей»¹.

А. Квачевский выделял как положительные, так и отрицательные стороны указанных видов уголовного преследования. К положительным сторонам публичного уголовного преследования он относил то, что «закон получает надежную охрану, силу и непоколебимость, интерес общественный и частный всегда находят опору в таком взыскателе нарушений их, который стоит выше личных расчетов, боязни, вражды, владеет достаточными средствами преследовать преступления и притом испытан в этой деятельности, приготовлен к ней самою службою»². С другой стороны, недостатками публичного уголовного преследования, по мнению А. Квачевского, являлось то, что «должностное лицо делается безграничным обладателем уголовного иска: от него зависит начать иск или нет, он может оставить без преследования беззакония по своему произволу, которым тем легче увлечься, чем выше его власть»³. Достоинством частного уголовного преследования А. Квачевский называл то, что «обвинитель может действовать самостоятельно, добывая сведения о преступлении и виновнике его из первых, а не из вторых и третьих рук: он сам мог быть очевидцем противозаконного действия, находясь вблизи от совершения его, он слышал все разглашаемые о нем подробности от самих очевидцев, он их знает и может верно судить о степени достоверности показаний, ему ближе всего известны источники, из которых может быть добыта уголовная истина во всей ее наготы, простоте и несомненности; сделавшись участником в деле, он может тем легче вести борьбу с обвиняемым, чем живее и сильнее занимает его преступление, чем более им поражены его ум и чувство связью с жертвой злодеяния»⁴. Однако, отрицательная

---

¹ Муравьев, Н. М. Задачи прокурорского надзора... – С. 2 – 3.

² Квачевский, А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 87.

³ Там же. – С. 87.

⁴ Квачевский, А. Указ. соч. – Т. 1. – С. 86.

сторона частного обвинения, с точки зрения А. Квачевского, заключалась в том, что, «взявшись за роль обвинителя, нужно пожертвовать услугами, для которых немногие имеют довольно времени и сил»¹.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, можно предположить, что многообразие научных подходов к пониманию уголовного преследования, а также неоднозначность соотношения данного понятия с понятием «обвинение» обусловлено, в первую очередь, отсутствием законодательного определения терминов «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование», а также их неединообразным использованием в нормах УУС 1864 г. Все это позволило дореволюционным исследователям последнего в своих теоретических изысканиях наделять указанные понятия собственным значением, основанным на имеющихся представлениях об основных принципах состязательного судопроизводства, существовавшего в иностранных государствах того времени. Очевидно, что наиболее обоснованное представление о правовой природе и роли категории «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве было изложено И. Я. Фойницким, предельно учитывавшим оказанное влияние на подготовку Устава уголовного судопроизводства 1864 г. французского Кодекса уголовного расследования 1808 г.

---

¹ Там же. – С. 86.

§2. Становление учения об уголовном преследовании в советский период

УУС 1864 г. оставался действующим уголовно-процессуальным законом вплоть до Октябрьской революции 1917 г. За более чем 50 лет своего существования Устав многократно дополнялся, отдельные его нормы претерпевали редакции¹, но вместе с тем было очевидно, что новые буржуазно-экономические общественные отношения, складывающиеся на основе бурного промышленного роста России в начале XX века, никоим образом не обнаружили необходимости модернизации уголовно-процессуальной системы России.

Революция 1917 г. и последовавшее за ней изменение государственного строя, вместе с тем, не могли не сказаться на состоянии действовавшего законодательства. Мировой истории были известны случаи, когда в результате государственного переворота и смены формы правления новая власть предпринимала меры по реформированию национального законодательства², но никогда такое реформирование не носило радикального характера, а тем более характера ликвидации законодательства как такового.

Особенность русской Революции 1917 г. заключалась в том, что новая власть стремилась изменить не только форму правления и форму государственного устройства, но и общественную идеологию. Поэтому правосознание, правопонимание и правоотношения как неотъемлемые элементы идеологии являлись первоочередной целью пришедшей к власти партии большевиков. Самым быстрым и легким способом в их изменении оказалась полная ликвидация действующего государственного законодательства и существующих государственных органов. В этом контексте не удивительно воспринимается высказывание Г. Н. Королева о том, что «строительство нового советского государства, как ни

---

¹ По утверждению В. Случевского таких изменений и дополнений было около 700 (См.: Случевский, В. Указ. соч. – С. 6.).

² Изменение законодательства о государственном устройстве является неизменным результатом, практически, любой революции.

парадоксально, началось не с изменения функций государственных органов, а с их ликвидации»¹.

Одним из первых законодательных актов советского государства – *Декретом «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г.*² предусматривалось:

– упразднение всех действовавших судебных установлений, которые заменялись судами, «образуемыми на основе демократических выборов» (п. 1);

– приостановление (de facto – упразднение) института мировых судей (п. 2);

– упразднение институтов судебных следователей, прокурорского надзора, а также институтов присяжной и частной адвокатуры (п. 3);

Вплоть до преобразования всего порядка судопроизводства, в соответствии с п. 4 Декрета, предварительное следствие по уголовным делам возлагалось на местных судей. В роли обвинителей и защитников, в том числе на стадии предварительного следствия, допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами»³.

П. 5 Декрета предусматривал, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосоз-

---

¹ Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе / Г. Н. Королев. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 92.

² СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.

³ Декрет «О суде» № 2 от 18 февраля 1918 г. предусматривал создание при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов коллегий лиц, «посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты» (ст. 24). И только в судебных прениях мог принять участие один «обвинитель и один защитник из присутствующих на заседании» (ст. 28). См.: СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.

нению»¹. «Противоречащие» законы, согласно примечанию к п. 5, признавались отмененными.

Важным являлось указание Декрета на то, что «по частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третейскому суду. Порядок третейского суда будет определен особым декретом». Необходимо отметить, что такой декрет появился достаточно скоро – 16 февраля 1918 г. ВЦИК принял Декрет «О третейском суде»², согласно которому «третейский суд образуется, по усмотрению сторон, в составе одного посредника или одинакового числа членов третейского суда с каждой стороны и одного посредника, избранного последними. Соглашение сторон о решении дела третейским судом излагается в третейской записи, на которой подписи должны быть засвидетельствованы» (п. 2). Решения третейского суда могли быть обжалованы в кассационном порядке в местные съезды судей, которые, в случае отмены решения третейского суда, передавали дело на рассмотрение общего по подсудности суда (п. 5). Вышеизложенное является свидетельством того, что советская власть не отказалась от частного порядка уголовного преследования, исключив его, тем не менее, из сферы государственного судопроизводства.

Таким образом, первые шаги советской власти по реформированию уголовного судопроизводства привели не только к ликвидации законодательной основы уголовного преследования (в том смысле, в каком оно понималось в УУС 1864 г.), но и к ликвидации самих органов, его осуществлявших. Предполагалось, что в кратчайшие сроки будет создано новое законодательство и новая судебно-следственная система, которая бы обеспечила

---

¹ Декрет «О суде» № 2 от 18 февраля 1918 г. уже прямо указывал на то, что «судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов» (ст. 8).

² СУ РСФСР. – 1918. – № 28. – Ст. 366.

осуществление быстрого, эффективного и беспристрастного уголовного судопроизводства. До этого же момента государство фактически делегировало полномочия по осуществлению уголовного преследования всем желающим. Само же преследование фактически осуществлялось на основе таких абстрактных категорий, как «революционная совесть» и «революционное правосознание», ставших правовой основой новой общественной идеологии.

Принятие новых законов, регламентирующих уголовное судопроизводство, являлось осознаваемой необходимостью. Единственным вопросом был вопрос о том, как скоро новый законодатель будет способен разработать такие законы.

Первый советский уголовно-процессуальный закон (УПК) был утвержден постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г., а менее чем через год, 15 февраля 1923 г., был принят второй УПК РСФСР¹. Следует отметить, что первый УПК РСФСР был достаточно высоко оценен как советскими учеными, так и уехавшими за рубеж российскими правоведами. Например, находящийся в эмиграции Н. С. Тимашев писал, что «с внешней стороны УПК является, вероятно, наиболее совершенным из законодательных актов Советской власти»². Он также обратил внимание на практически полное отсутствие в УПК выражений агитационного характера и деклараций. Что касается пробелов и неточностей, присутствовавших в кодексе, то они, по мнению Н. С. Тимашева, не превышали технических погрешностей многих законов дореволюционного времени.

---

¹ В некоторых источниках УПК РСФСР 1923 г. называется уточненной «редакцией» УПК РСФСР 1922 г. И, действительно, структура и подавляющее большинство норм указанных кодексов идентичны.

² Цит. по: Коссов, И. А. Судебная реформа 1922 г. и российское уголовно-процессуальное законодательство // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практич. конф. – Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. – Загл. с экрана.

Как указывает Г. Н. Королев, «судопроизводство советского государства во многом формировалось под влиянием идей, заложенных в судебных уставах 1864 г.»¹. Однако, по утверждению В. П. Смирнова, несмотря на то, что «УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 г.г. – восприняли значительную часть положений УУС 1864 г., в том числе и тех, с помощью которых организуется уголовный процесс инквизиционно-состязательной формы... многие положения, касающиеся состязательности, не реализовывались в жизнь. Более того, УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. при производстве по некоторым категориям дел действовали не в полной мере или не применялись вообще. За короткий исторический период огромное число людей подверглось репрессиям без соблюдения каких-либо процессуальных норм на основе постановлений Особого совещания, «троек», «двоек» НКВД и иных внесудебных органов»².

Полное изменение правовой системы государства, на что, по-видимому, рассчитывала новая власть на начальном этапе, оказалось невозможным в столь короткие сроки. Поэтому, не имея возможности разработать новую концепцию судопроизводства, но также не имея и желания возвращаться к старой модели, советский законодатель модифицирует дореволюционную систему права, компилируя ее с теми немногими институтами «социалистического права», которые были созданы за 4 года.

Одним из примеров заимствования из дореволюционной модели уголовного судопроизводства является категория *«уголовное преследование»*. Данный термин использовался в 5 статьях УПК РСФСР 1922 г. (ст.ст. 4, 9, 31, 98 и 251)³. Так, ст. 4 УПК

---

¹ См.: Уголовный процесс. Учебник / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2001. – С. 29; Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование... – С. 93.

² Смирнов, В. П. История состязательности в науке уголовно-процессуального права / В. П. Смирнов // История государства и права. – 2001. – № 4. – С. 34.

³ Также в 2 статьях УПК РСФСР 1922 г. использовалось понятие

РСФСР предусматривала, что «уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжено и подлежит прекращению во всякой стадии процесса...». Очевидно, что прототипом данной нормы явилась ст. 16 УУС 1864 г., которая приводилась ранее. Необходимо напомнить, что в ст. 16 УУС 1864 г. использовался термин «судебное преследование», который в системе норм УУС 1864 г. понимался как «производство по уголовному делу». В УПК РСФСР 1922 г., как представляется, таким значением стал обладать термин «уголовное преследование».

Вместе с тем, ст. 9 УПК РСФСР 1922 г. устанавливала, что «прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование *перед* судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению»¹, - в данном контексте «уголовное преследование» уже означало процессуальную деятельность прокуратуры, которая на стадии предварительного расследования также предусматривала право прокурора давать обязательные для следователя указания «о направлении и дополнении следствия» (ст. 121 УПК РСФСР 1922 г.). В отличие от УУС 1864 г., в УПК РСФСР 1922 г. не употреблялись

«*дисциплинарное преследование*», которое могло быть возбуждено в отношении прокурора или защитника соответствующим учреждением (в котором они состояли) за неисполнение распоряжения председателя судебного заседания (ст. 264) или за неявку на судебное заседание без уважительных причин (ст. 272). Таким образом, советский законодатель стал активнее использовать термин «преследование», распространив его и на ведомственные правоотношения.

¹ По Положению «О прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. на прокуратуру возлагалось «осуществление надзора... путем возбуждения уголовного преследования *против* виновных» (п. а ст. 2), то есть фактически не предусматривалось возможность возбуждения уголовного дела прокуратурой «по факту» (О прокурорском надзоре: Положение, утв. Постановлением ВЦИК от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 36. – Ст. 424.). Очевидно, что данная формулировка сужала полномочия прокуратуры по сравнению со ст. 9 УПК РСФСР 1922 г.

такие категории, как «судебное преследование»¹ и «преследование». Поэтому следует признать, что использовавшиеся в УУС 1864 г. термины «судебное преследование», «уголовное преследование» и «преследование» были переняты советским законодателем в едином варианте – «уголовное преследование», которое имело в УПК РСФСР 1922 г. двойное значение: 1) производство по уголовному делу; 2) процессуальная деятельность прокуратуры.

Понятие «*возбуждение уголовного преследования*» использовалось как синоним «возбуждения уголовного дела». Это подтверждается ст. 98 УПК РСФСР 1922 г., находившейся в главе VII «*Возбуждение производства по уголовному делу*». Согласно данной статьи, «анонимные заявления могут служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания». Первая же статья данной главы (ст. 96) закрепляла поводы к «*возбуждению уголовного дела*». Как справедливо отмечается в литературе, термины «возбуждение производства по уголовному делу», «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования» использовались в УПК РСФСР 1922 г. как идентичные².

Понятие «*изобличение*» использовалось в 2-х нормах, регулирующих порядок дознания. Так, ст. 108 УПК РСФСР предусматривала: «В случаях, когда дознанием добыты данные, *изобличающие* кого-либо в совершении преступлений, по которым

---

¹ Термин «судебное преследование» использовался в Положении «О прокурорском надзоре» от 28 мая 1922 г. – в значении «производство по уголовному делу» (п. а ст. 13).

² См., напр: Еникеев, З. Д. Уголовное преследование. Учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2000. – С. 7; Васильев, О. Л. Процессуальные средства органов и должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие / О. Л. Васильев // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2003. – № 4. – С. 5; Усачев, А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. А. Усачев. – Иркутск: Байкал. гос. ун-т экон-ки и права, 2003. – С. 34.

обязательно предварительное следствие, органы дознания, сообщив о сем немедленно следователю и прокурору, передают весь материал дознания следователю немедленно же, не выжидая конца месячного срока, установленного статьей 107 для производства дознания, принимая до вступления следователя в дело лишь меры, препятствующие уничтожению следов преступления или уклонению подозреваемых от следствия и суда».

Влияние французского типа предварительного расследования на УПК РСФСР 1922 г. выразилось в том, что дознание стало первой стадией расследования, осуществляемой, «чтобы до начала предварительного следствия или до разбора дела по существу, если предварительное следствие не производится, были сохранены следы преступления и была устранена для подозреваемого возможность скрыться» (ст. 103 УПК РСФСР 1922 г.). Если по истечении срока дознания были установлены данные, изобличающие конкретное лицо в совершении преступления, за которое максимальный размер наказания в виде лишения свободы не превышал 1 года, то материалы дознания направлялись непосредственно в суд (п. 2 ст. 107 УПК РСФСР 1922 г.). По иным категориям дел органы дознания передавали материал следователю, который, между тем, мог не производить предварительное следствие, если «признает поступивший к нему материал дознания достаточно полным и дело достаточно разьясненным» (ст. 111 УПК РСФСР 1922 г.). Таким образом, «данные, изобличающие кого-либо в преступлении», представляли собой по сути сведения о фактах обвинительного характера, которые сами по себе доказательствами не являлись в силу того, что были получены в результате дознания¹. Однако в своей совокупности такие сведения были достаточны для утверждения о виновности лица, то есть для предъявления лицу обвинения, что, тем не менее, сам орган доз-

---

¹ Глава IV «О доказательствах» УПК РСФСР 1922 г. в качестве субъекта собирания доказательств в досудебном производстве предусматривала только следователя. Органы дознания следственные действия не производили и собранные ими сведения доказательствами не являлись.

нения осуществить не мог и для чего передавал собранные данные следователю. Поэтому «изобличающие данные» - это термин, являющийся аналогом термина «доказательства виновности», использовавшийся применительно к деятельности органов дознания.

Независимо от того, проводил ли следователь по поступившему от дознания материалу предварительное следствие или нет, он был обязан: 1) предъявить обвинения обвиняемому; 2) допросить обвиняемого и 3) составить обвинительное заключение. Обвинение предъявлялось следователем при «наличии достаточных данных, дающих основания для предъявления обвинения» (ст. 131 УПК РСФСР 1922 г.). Обвинение предъявлялось подозреваемому, то есть, по смыслу статей УПК РСФСР 1922 г., лицу, фактически заподозренному в совершении преступления (ст. 103 УПК РСФСР 1922 г.). Самостоятельного процессуального статуса подозреваемого УПК РСФСР 1922 г. не предусматривал (не наделял данное лицо ни правами, ни обязанностями), но активно использовал данный термин в главе, регулирующей деятельность органов дознания, которые могли задержать подозреваемого для предупреждения его уклонения от следствия и суда (ст. 105 УПК РСФСР 1922 г.). Учитывая, что орган дознания собирал сведения, которые впоследствии использовались следователем для предъявления лицу обвинения, возможно говорить о зарождении *подозрения* как начального, пока еще не процессуального, *этапа уголовного преследования*.

УПК РСФСР 1922 г. сохранил деление уголовного преследования на основные виды, существовавшие по УУС 1864 г., изменив только перечень преступлений, по которым производство проводилось в частном порядке¹. Также УПК РСФСР 1922 г. предусматривал категорию дел, возбуждаемых не иначе, как по жалобе потерпевшего, но не подлежащих прекращению за примирением сторон (ст. 11 УПК РСФСР 1922 г.).

---

¹ УПК РСФСР отказался от термина «частно-уголовные дела», использовавшегося в Декрете «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г.

В *УПК РСФСР 1923 г.*¹ были произведены некоторые изменения, касающиеся роли дознания в досудебном производстве. Прежде всего, терминологически дознание было разделено на 2 вида: 1) дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно и 2) дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно². Кроме того, по делам, по которым предварительное следствие было не обязательно, органы дознания получили полномочия производить следственные действия, результаты которых признавались доказательствами (ст. 101 УПК РСФСР 1923 г.). В остальной части, с позиций исследуемой проблемы, УПК РСФСР 1923 г. не изменился. Термин «уголовное преследование» использовался в тех же нормах, что и в УПК РСФСР 1922 г., у некоторых из которых изменилась только нумерация статей (ст.ст. 4, 9, 29, 93, 247 УПК РСФСР 1923 г.).

Дальнейшее развитие советского законодательства об уголовном преследовании связано с процессом, по образному высказыванию А. В. Смирнова, «гибели предварительного следствия» и его превращения в «прокурорское дознание»³. Начало этому процессу положило Постановление ВЦИК РСФСР от 16 октября 1924 г., которым на следователя была возложена ответственность за непосредственное руководство дознанием под надзором прокурора. Как верно отмечает А. В. Смирнов, следователь «из «маленького судьи» превратился в «маленького прокурора»»⁴. Такой модернизации активно способствовал А. Я. Вышинский, считавший необходимым «отказаться от «старой» точки зрения на предварительное следствие как на судебную деятельность и рассматривать ее как однопорядковую с дознанием»⁵. Результатом

---

¹ СУ РСФСР. – 1923. - № 7. – Ст. 106.

² Необходимо отметить, что такое деление существовало и в УПК РСФСР 1922 г., но кодекс не содержал указанных названий видов дознания.

³ Смирнов, А. В. Состязательный процесс... – С. 204.

⁴ Там же. – С. 204.

⁵ V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. 10-15 марта

данной политики явилось Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 03 сентября 1928 г., ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г., на основании которых следственный аппарат был передан в подчинение прокуратуры. Именно это, по мнению А. В. Смирнова, повлекло «гибель в советском уголовном процессе предварительного следствия, которое фактически превратилось в прокурорское дознание, наделенное, однако, узурпированными судебными полномочиями. С точки зрения распределения процессуальных функций предварительное расследование окончательно утратило признаки состязательности. Это явилось шагом назад по сравнению Уставом уголовного судопроизводства и даже УПК 1922 и 1923 гг.»¹.

Неизбежным последствием утраты предварительным расследованием признаков состязательности явилось разрушение концепции уголовного преследования как процессуальной деятельности, отделенной от процессуальной деятельности по исследованию обстоятельств совершенного преступления. Формальным проявлением этого стало прекращение использования советским законодателем термина «уголовное преследование» в нормативно-правовых актах. Как указывает М. С. Шалумов, после 1923 года «понятие «уголовное (судебное) преследование» уже не использовалось, хотя на практике многие следователи при принятии процессуальных решений по уголовным делам и применяли такую форму, как постановление о прекращении уголовного преследования (в отношении отдельных эпизодов преступной деятельности обвиняемого либо в отношении отдельных лиц, причастных к делу)»². Категория «уголовное преследования» на некоторое время осталась лишь предметом научных дискуссий.

1924 г. Тезисы. – М., 1924. – С. 193-194. (Цит. по: Смирнов, А. В. Состязательный процесс... – С. 204.).

¹ Смирнов, А. В. Состязательный процесс... – С. 204.

² Шалумов, М. С. Уголовное преследование как функция прокуратуры // М. С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 88.

В литературе 20 – 30-х годов XX века стали появляться первые теоретические разработки, которые можно считать началом становления современного учения об уголовном преследовании. Прежде всего, процессуалисты задумались о научном разграничении ситуаций, когда на момент возбуждения уголовного дела известно лицо, совершившее преступление, и когда такое лицо не известно.

Так, например, В. Громов считал, что если такое лицо известно, то необходимо «уже в начале расследования привлечь указанное подозреваемое лицо в качестве обвиняемого, допросить его, а затем уже продолжать дальнейшее расследование в целях проверки выставляемых против подсудимого улик и проверки его объяснений и возражений»¹. По тем же делам, по которым подозреваемый не известен на момент возбуждения уголовного дела, В. Громов рекомендовал «задержаться несколько моментом привлечения, в то же время ускорив темп расследования по данному делу, хотя бы в ущерб быстроте расследования других несрочных дел, и, проверив сомнительные или косвенные улики, акт привлечения приурочить к тому времени, когда одна вероятность подозрения против данного подозреваемого приобретает характер достоверности»². При этом, по мнению автора, предъявление обвинения такому лицу должно осуществляться неотлагательно, что «является и целесообразным, и согласованным с общим духом уголовного процесса»³. Особо следует отметить терминологию, которой оперировал В. Громов. Наиболее интересным в связи с этим представляется следующее утверждение автора: «Нельзя установить никаких общих правил, в какой момент и по каким делам следует признать *заподозренного* достаточно *изобличенным*, чтобы можно было предъявить ему

---

¹ Громов, В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов. Изд. 6-е, перераб. / В. Громов; Под ред. Н. В. Крыленко. – М.: ОГИЗ, 1935. – С. 72.

² Там же. – С. 72.

³ Там же. – С. 90.

обвинение и приступить к его допросу в качестве *подследственного*». Таким образом, автор употреблял в качестве синонимов понятия «подозрение», «обвинение», «изобличение», существовавшие в УУС 1864 г. и перенятые советским законодателем. Новым термином явилось понятие «подследственный», которое можно рассматривать как аналог французского «лицо, привлеченное к рассмотрению»¹, однако необходимость использования такого понятия на практике оказалась сомнительной, что не привело к его включению в уголовно-процессуальное законодательство.

Подобной позиции придерживался и Л. М. Яхнич, который считал, что момент привлечения лица в качестве обвиняемого зависит от особенностей каждого дела: «по одним делам предъявление обвинения может последовать сразу же после возбуждения дела, а по другим только к концу расследования. Если следователь, возбуждая уголовное дело, уже имеет достаточные данные для предъявления обвинения, он сразу же составляет об этом постановление и привлекает обвиняемого. Ярким примером подобного положения является задержание убийцы на месте преступления»².

М. С. Строгович, отмечая, что в правоприменительной практике «грань между подозреваемым и обвиняемым в значительной мере условна», одним из первых обоснованно обратил внимание «необходимость установления определенных границ, в пределах которых допускается на следствии постановка того или иного лица в положение подозреваемого. Эти границы должны быть определены достаточно четко, в противном случае получится то, что подозреваемый станет на место обвиняемого, вытеснит его. На практике это иногда и бывает...»³.

---

¹ См. §1 настоящей работы.

² Яхнич, Л. М. Краткое руководство по ведению предварительного следствия. Пособие для народных следователей и слушателей юридических школ / Под ред. М. С. Строговича. – М.: Советское законодательство, 1936. – С. 41.

³ Строгович, М. С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / М. С. Строгович; Под ред. А. Я. Вышинского. – М.:

Таким образом, категория «подозрение», или «заподозренность», еще не рассматривалась как процессуальная. В связи с отсутствием в уголовном процессе самостоятельного статуса у подозреваемого в совершении преступления лица, необходимо признать, что этот статус охватывался процессуальным статусом обвиняемого, который в тот период, как представляется, носил универсальный характер и включал в себя подозрение в современном понимании. Это свидетельствует о предъявлении законодателем того времени более низких требований к обоснованности обвинения, чем в современном учении об уголовном преследовании.

В конце 30-х годов активно обсуждался вопрос о проблемах возбуждения уголовного преследования¹. Дискуссия велась по поводу необходимости выделения в уголовном судопроизводстве самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи возник вопрос о наименовании процессуального акта, которым начиналось производство по уголовному делу. М. Чельцов в этой связи указывал, что «действующий УПК говорит не о возбуждении уголовного преследования, а о возбуждении производства по уголовному делу или (ст. 91) о возбуждении уголовного дела. Однако оба термина не имеют юридических отличий. В нашей официальной и теоретической литературе они употребляются безразлично в одном и том же смысле»². По мнению М. Чельцова, большинство процессуалистов для обозначения процессуального момента начала производства по уголовному делу «охотно употребляют как более выразительный, термин –

Советское законодательство, 1934. – С. 32 – 33.

¹ См.: Голунский, С. О возбуждении уголовного преследования / С. Голунский // Социалистическая законность. – 1936. – № 2. – С. 38 – 42; Жгутов, В. К вопросу о возбуждении уголовного преследования / В. Жгутов // Социалистическая законность. – 1936. – № 9. – С. 65 – 66; Чельцов, М. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М. Чельцов // Социалистическая законность. – 1937. – № 3. – С. 28 – 35.

² Чельцов, М. Возбуждение уголовного преследования... – С. 28.

«возбуждение уголовного преследования», в то время как сам автор придавал ему другое значение – «преследование не только индивидуально-определенного уже обвиняемого, но и неизвестного еще в момент возбуждения при наличии возможности определения его в будущем»¹.

Данное утверждение М. Чельцова стало тем краеугольным камнем учения об уголовном преследовании, который не дает покоя исследователям рассматриваемой проблемы уже более 70 лет. Все это время неизменно существуют как сторонники того, что уголовное преследование является деятельностью, которая может осуществляться в отношении неизвестного лица, так и сторонники того, что уголовное преследование осуществляется только в отношении конкретного лица.

Понятие «возбуждение уголовного преследования» в научной литературе 30-х годов XX века преимущественно использовалось в значении возбуждения производства по уголовному делу, или возбуждения уголовного дела. Наиболее вероятной причиной этого представляется неразработанность в теории уголовного процесса того периода концепции возбуждения уголовного дела «по факту». Соответственно, под возбуждением уголовного преследования, как правило, понималось возбуждение уголовного дела «*против конкретных виновников*»² путем вынесения постановления³, в котором «ясно и четко зафиксировано наличие определенных данных о совершении *кем-либо* конкретного преступления»⁴.

Сторонником точки зрения о том, что уголовное преследо-

---

¹ Чельцов, М. Возбуждение уголовного преследования... – С. 28.

² Жгутов, В. Указ. статья. – С. 66.

³ Кстати, именно С. Голунский в 30-е годы впервые предложил, чтобы постановление о возбуждении уголовного дела выносил следователь, а прокурор давал на него санкцию. По утверждению автора, «практика показывает, что там, где прокуроры усвоили такой порядок возбуждения уголовного преследования, они достигают очень хороших результатов» (См.: Голунский, С. Указ. статья. – С. 41.).

⁴ Голунский, С. Указ. статья. – С. 40.

вание является процессуальной деятельностью, осуществляемой только в отношении конкретного лица, являлся М. С. Строгович. В одном из своих первых учебников он предложил определение уголовного преследования, которое до сих пор можно считать общепризнанным: «Уголовным преследованием называется совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление»¹. Как представляется, современное законодательное определение уголовного преследования основано именно на нем.

М. С. Строгович первым предложил разграничивать понятия «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования». Под возбуждением уголовного преследования ученый понимал привлечение лица в качестве обвиняемого², основанием для чего являлось «наличие достаточных данных, указывающих на определенное лицо как на совершителя преступления»³.

Обвинение, как считал М. С. Строгович, - это «деятельность органа или лица, осуществляющего уголовное преследование, направленная на то, чтобы обеспечить успешность уголовного преследования», при этом понятие обвинения он разграничивал на обвинение в материальном и формальном смыслах. Под обвинением в материальном смысле понималась «совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление, т.е. то же самое, что и уголовное преследование», а обвинение в формальном смысле – это «деятельность специально уполномоченного законом органа или лица (обвинителя), выступающего перед судом и изобличающего на суде лицо, привлеченное к уголовной ответственности. Следова-

---

¹ Строгович, М. С. Уголовный процесс... 1940. – С. 86.

² Следует напомнить, что на тот момент в процессе еще не существовало процессуальной фигуры подозреваемого, поэтому нельзя упрекнуть М. С. Строговича в том, что он исключил подозреваемого из сферы уголовного преследования.

³ Строгович, М. С. Уголовный процесс... 1940. – С. 88.

тельно, обвинение в формальном смысле есть способ или форма уголовного преследования»¹.

В развитие своих взглядов на категорию «подозрение» М. С. Строгович указывал, что «следует признать совершенно неприемлемой иногда имеющую место практику вызова и допроса органами расследования граждан в качестве подозреваемых только на том основании, что в материале, поступившем в орган расследования, данное лицо подозревается в том или ином преступлении... Иными словами, подозреваемый превращается в какой-то суррогат обвиняемого, в обвиняемого «второго сорта», что не имеет никаких оснований с точки зрения процессуальной теории и практики»². В обоснование своей позиции М. С. Строгович ссылаясь на приказ Прокурора СССР № 41/26 от 02 июня 1937 г., в котором отмечалось: «При допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении «подозреваемого»³. Необходимо отметить, что не запрещался сам допрос, носящий по сути характер фактического уголовного преследования лица, не обладающего процессуальным статусом обвиняемого»⁴.

В 1951 г. в свет вышел фундаментальный труд М. С. Строговича *«Уголовное преследование в советском уголовном процессе»*, в котором автор предложил рассматривать

---

¹ Строгович, М. С. Уголовный процесс... 1940. – С. 91.

² Там же. – С. 181 – 182.

³ Там же. – С. 182.

⁴ М. С. Строгович предлагал таких лиц именовать «обвиняемый, в отношении которого возбуждено уголовное преследование, но которому, в изъятие из общего правила, еще не предъявлено обвинение» (См.: Строгович, М. С. Уголовный процесс... 1940. – С. 183.); В. Житков предлагал название такому положению лица «уголовно-преследуемый свидетель» (См.: Житков, В. О подозреваемых и обвиняемых и об «уголовно-преследуемом» свидетеле / В. Житков // Советская юстиция. – 1937. – № 9. – С. 16 – 17.).

уголовное преследование как *процессуальную функцию*, заключающуюся в деятельности следователя (или органа дознания) и прокурора в отношении определенного лица, привлеченного к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, направленной на то, чтобы «изобличить это лицо в совершении преступления, доказать его виновность, обеспечить применение к нему заслуженного наказания»¹. Таким образом, в своем авторском учении об уголовном преследовании М. С. Строгович развил определение, данное им в 1940 г. Наибольший интерес в аспекте исследуемой проблемы в указанном определении представляет разграничение автором терминов «*изобличить лицо*» и «*доказать его виновность*». Употреблением данных категорий последовательно, как представляется, автор стремился подчеркнуть, что «изобличение» лица в совершении преступления не всегда подтверждается имеющимися в деле доказательствами, в то время как целью уголовного преследования является не только и не столько его изобличение, то есть установление фактической виновности лица, сколько официальное ее доказывание².

Критикуя позицию М. Чельцова относительно возможности уголовного преследования в отношении неизвестного лица, М. С. Строгович указывал, что если исходить из предложенного понимания уголовного преследования, то «само понятие уголовного преследования делается совершенно неопределенным и по сути дела излишним – оно сливается с расследованием дела, и поэтому проще говорить не об уголовном преследовании, а о расследовании дела»³. Следует признать, что данный аргумент М. С. Строговича более чем убедительно обосновывает самостоятельное и самостоятельное значение категории «уголовное преследование» по отношению к иным, конкурирующим, категориям уголовно-процессуального права.

---

¹ Строгович, М. С. Уголовное преследование... - С. 65.

² К сожалению, необходимо отметить, что современный законодатель при формулировании определения уголовного преследования данный нюанс упустил.

³ Строгович, М. С. Уголовное преследование... – С. 61.

Развивая критику научных взглядов М. Чельцова о возможности осуществлении уголовного преследования в отношении неизвестных лиц, М. С. Строгович справедливо указывал, что при возбуждении уголовного дела «по факту» и установлении совершившего преступление «в положении лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, окажутся все лица, на которых почему-либо пало подозрение, о которых дал показание тот или иной свидетель, хотя данные следствия являются еще совершенно недостаточными для привлечения этих лиц к уголовной ответственности в качестве обвиняемых. Совершенно ясно, что такой порядок абсолютно недопустим в советском уголовном процессе»¹.

Со своей стороны, М. С. Строгович предложил рассматривать деятельность, предшествующую привлечению лица в качестве обвиняемого, как *подготовку уголовного преследования*, целью которой является установление, розыск и обоснование причастности к совершенному преступлению конкретного индивидуально-определенного лица. На данном этапе расследования, как указывал автор, не могут осуществляться ни функция уголовного преследования, ни функция защиты².

Значение функции уголовного преследования, по мнению М. С. Строговича, может быть определено исключительно во взаимосвязи с функциями защиты и судебного разрешения дела: «Уголовное дело без защиты придавало бы уголовному процессу односторонний обвинительный характер, совершенно несовместимый с природой и задачами советского уголовного процесса. О защите без уголовного преследования вообще нельзя говорить, так как такая защита фактически и логически невозможна (некого и не от чего защищать). Судебное же разрешение дает положительные результаты, приводит к осуждению и наказанию лиц, действительно совершивших преступление, лишь тогда, когда уголовное преследование и защита правильно выполнили и ис-

---

¹ Там же. – С. 64.

² Там же. – С. 66.

черпали свои задачи по данному делу»¹. На практике, по указанию М. С. Строговича, категория «уголовное преследование» использовалась при прекращении производства по уголовному делу в отношении конкретного лица, «если не подтвердилось обвинение одних обвиняемых, но подтвердилось обвинение других»; автор отмечал, что «такая формулировка юридически означает прекращение по этому делу именно уголовного преследования в отношении отдельных обвиняемых»².

М. А. Чельцов, в свою очередь, продолжал придерживаться собственной точки зрения на значение категории «уголовное преследование» в уголовном судопроизводстве. Так, в своей более поздней работе, разграничивая понятия «обвинение» и «уголовное преследование», он предложил определение уголовного преследования в предельно широком значении: «Понятие уголовного преследования, таким образом, шире понятия уголовного обвинения. В него входят действия, представляющие собою акты ф и з и ч е с к о г о преследования (поимка при переходе границы, задержание лица, заподозренного в совершении преступления)»³. Представляется, что уместна аналогия данного определения с определением «преследования», которое давалось еще исследователями розыскного типа судопроизводства (Я. И. Баршевым, В. А. Линовским)⁴.

Необходимо отметить, что большинство советских процессуалистов в вопросе понимания уголовного преследования поддерживали позицию М. С. Строговича⁵. Так, например,

---

¹ Строгович, М. С. Уголовное преследование... – С. 58.

² Там же. – С. 128.

³ Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1951. – С. 89.

⁴ См. §1 настоящей работы.

⁵ См.: Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р. Д. Рахунов. – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1954. – С. 21 – 25; Кукаров, А. С. Об уголовном преследовании / А. С. Кукаров // Советское гос-во и право. – 1958. – С. 106 – 107; Панга, М. С. Возбуждение уголовного дела и возбуждение уголовного преследования / М. С. Панга //

Р. Д. Рахунов отмечал, что «взгляд проф. М. А. Чельцова представляет собой... неправильное процессуальное толкование понятия уголовное преследование. Преследовать можно кого-нибудь. Чтобы возбудить уголовное преследование, следователю должно уже быть известно лицо, которое он подозревает в совершении преступления. Если же такое лицо следователю неизвестно, то, стало быть, нет того «субъекта, против которого можно возбудить преследование»»¹.

А. С. Кукаров предложил в проекте Основ уголовного судопроизводства СССР ст. 4 назвать «Возбуждение уголовного дела и уголовного преследования» и изложить ее в следующей редакции: «Началом уголовного судопроизводства является постановление прокурора, следователя, органа дознания или определение суда о возбуждении уголовного дела. Прокурор, следователь и органы дознания обязаны возбудить уголовное дело по каждому совершенному преступлению, кроме случаев, специально указанных в законе, когда уголовное дело возбуждается по жалобе потерпевшего. Началом возбуждения уголовного преследования является постановление прокурора, следователя, органа дознания о привлечении лица к уголовной ответственности. Содержание уголовного преследования заключается в деятельности органов суда, прокуратуры, следствия и дознания по изобличению обвиняемого в совершении преступления, установлении его виновности и в обеспечении применения к нему мер в соответствии с законом наказания»².

М. С. Панга указал на то, что судебнo-следственная практи-

Вопросы уголовного права и процесса. Сборник статей. – Минск: Изд-во Беларус. гос. ун-та, 1960. – С. 129 – 145.

Среди сторонников позиции М. А. Чельцова можно назвать только Д. С. Карева (См.: Карев, Д. С. Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР / Д. С. Карев // Социалистическая законность. – 1954. – № 2. – С. 28 – 29.).

¹ Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела... – С. 25.

² Кукаров, А. С. Указ. статья. – С. 107.

ка стоит на позиции разграничения понятий «возбуждение уголовного дела» и «возбуждение уголовного преследования», которое, по его мнению, «идентично понятию «привлечение лица в качестве обвиняемого». В подтверждение своих выводов М. С. Панга сослался на практику Верховного Суда СССР за 1946 – 1954 гг. Более того, по утверждению автора, вынесение на стадии возбуждения уголовного дела «постановлений о возбуждении уголовного преследования в отношении конкретных лиц приводит к многим ошибкам и различным процессуальным осложнениям»¹.

Таким образом, позиция, выдвинутая М. С. Строговичем, стала доминирующей в теории уголовно-процессуального права. Как указывалось, ее сторонниками были предложены изменения и дополнения в проекты нового общесоюзного уголовно-процессуального закона, потребность в котором была очевидна. Такой закон был принят 25 декабря 1958 г. в виде Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик², на основе которых 27 октября 1960 г. был принят третий по счету УПК – УПК РСФСР 1960 г.³

В УПК РСФСР 1960 г. законодатель отказался от использования категории «уголовное преследование», чем, очевидно, попытался внести ясность в вопрос об обозначении процессуального акта, которым начиналось производство по уголовному делу. А. Р. Михайленко, оценивая новый подход законодателя, справедливо пришел к следующему заключению: «Вряд ли можно говорить о возбуждении уголовного преследования в смысле возбуждения уголовного дела, поскольку термин «уголовное преследование» исключен из уголовно-процессуального закона»⁴;

---

¹ Панга, М. С. Указ. статья. – С. 131 – 132.

² Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

⁴ Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – С. 139.

кроме того, автор этим не ограничился и упомянул также «об этической окраске слова «преследование», не соответствующей духу советского уголовного процесса»¹.

Единственным «наследием» дореволюционного уголовного процесса в УПК РСФСР 1960 г. в части регламентации уголовного преследования остался термин **«изобличение»**, который использовался законодателем для формулирования задач советского уголовного судопроизводства: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, **изобличение виновных** и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» (ст. 2). Кроме того, данный термин использовался еще в одной статье кодекса – в ст. 213, которая закрепляла перечень вопросов, подлежащих разрешению прокурором по поступившему делу с обвинительным заключением. В частности, согласно п. «б» ст. 213 прокурору необходимо было установить, «привлечены ли в качестве обвиняемых все лица, которые **изобличены** в совершении преступления». Не вызывает сомнения, что законодатель пересмотрел подход к пониманию термина «изобличение», по сравнению с УПК РСФСР 1922 г., вместе с тем, думается, он не учел терминологического различия между понятиями «изобличение лица» и «доказанность его вины», на которое обращал внимание М. С. Строгович. Таким образом, в УПК РСФСР 1960 г. понятие «изобличение», очевидно, наделялось обоими указанными значениями и в целом понималось как **фактическое установление и формальное доказывание вины** лица в совершении преступления.

В научной среде после введения в действие УПК РСФСР 1960 г. «дискуссии в основном свелись к обсуждению вопроса о

---

¹ Михайленко, А. Р. О правовой природе начала уголовного процесса / А. Р. Михайленко // Вопросы уголовного процесса. Межвузовский научный сборник. Вып. 2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – С. 41-46.

том, отождествлять либо размежевать понятия «уголовное преследование» и «обвинение»¹. Чаще всего данные категории анализировались в аспекте уголовно-процессуальных функций.

П. С. Элькинд выделяла функцию обвинения, которую связывала «только со стадией судебного разбирательства и только с деятельностью обвинителя», в то время как в досудебном производстве осуществляется функция расследования. Что касается «уголовного преследования», П. С. Элькинд, сопоставив точки зрения М. С. Строговича и М. А. Чельцова, пришла к выводу, что «если М. А. Чельцов так безгранично расширяет понятие уголовного преследования, то М. С. Строгович отождествляет его с понятием обвинения»; по ее мнению, «это понятие выражает не столько роль, специальное назначение того или иного участника уголовного судопроизводства, сколько общее направление уголовно-процессуальной деятельности»². Как результат, по ее мнению, «при указанном понимании уголовного преследования оно превращается в нечто неопределенное», а потому становится бесполезным³.

Представляет интерес подход к определению функций уголовного судопроизводства В. С. Зеленецкого, который в зависимости от *объема* уголовно-процессуальной деятельности, образующей содержание конкретной функции, а также *направленности* данной деятельности, выделял общие (общесистемные) и частные (отдельных стадий) функции. Применительно к категориям «уголовное преследование» и «обвинение» автор писал, что «уголовное преследование – функция советского уголовного процесса. Она отражает (и в то же время характеризует) наибольший объем названной деятельности», при этом «на деятельности, образующие содержание функции уголовного преследования, не может не отражаться специфика той или иной стадии, где

---

¹ Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование... – С. 105.

² Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963. – С. 61 – 68.

³ Там же. – С. 67 – 68.

эта деятельность осуществляется... В стадии предварительного расследования названная функция реализуется сначала в деятельности следователя по изобличению лица, совершившего преступление, затем приобретает форму следственного обвинения, а в стадии возбуждения государственного обвинения – форму государственного обвинения»¹. Таким образом, обвинение, по мнению В. С. Зеленецкого, является частной функцией в структуре общесистемной функции уголовного преследования, реализуемой и в досудебном (следственное обвинение), и в судебном производстве (государственное обвинение).

Немалый вклад в развитие учения об уголовном преследовании внес А. М. Ларин, который считал, что «вопрос об уголовном преследовании – одна из наиболее актуальных, сложных и недостаточно выясненных сторон проблемы уголовно-процессуальных функций»². А. М. Ларин рассматривал функцию уголовного преследования как, с одной стороны, противоположную функции защиты, а с другой, – как взаимообусловленную функцией защиты. В связи с этим он указывал, что «защита представляет родовое понятие. И это дает логическое основание для конструирования понятия того же уровня, объединяющего отдельные виды деятельности, которые обуславливают потребность и необходимость защиты. Таким соразмерным с защитой родовым понятием и является, на наш взгляд, уголовное преследование»³. К «другим видам деятельности» А. М. Ларин, прежде всего, относил подозрение лица в совершении преступления; он считал, что процессуальные акты, на основании которых лицо при-

---

¹ Зеленецкий, В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе / В. С. Зеленецкий. – Харьков: Вища школа, 1979. – С. 144 с.

² Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 24.

³ Ларин, А. М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования / А. М. Ларин // Советское государство и право. – 1975. – № 7. – С. 96 – 97.

знается подозреваемым, - «постановление о применении меры пресечения или протокол задержания по своему назначению аналогичны постановлению о привлечении в качестве обвиняемого: они служат актами возбуждения уголовного преследования и обуславливают возникновение права на защиту»¹. Законодатель воспринял данную идею А. М. Ларина только спустя 6 лет, в результате чего 23 мая 1992 г. Законом РФ № 2825 в ст. 52 УПК РСФСР были внесены дополнения, предусматривающие право подозреваемого на защиту².

---

¹ Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу... – С. 39.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825 // Российская газета. – 1992. – 17 июня.

§3. Развитие учения об уголовном преследовании в период разработки УПК РФ

Период разработки УПК РФ, который начался 24 октября 1994 г. с утверждения Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы¹, характеризуется возрождением интереса к категории «уголовное преследование» как законодателя, так и ученых-процессуалистов.

Так, в самой Концепции судебной реформы «уголовное преследование» рассматривалось как функция и употреблялось в 2-х значениях: функция прокуратуры и функция уголовного судопроизводства. «Концептуально важно, с одной стороны, признать *уголовное преследование* доминирующей функцией прокуратуры» (ч. 6 разд. 4) и «одновременно суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции *уголовного преследования*» (ч. 3 разд. 4).

17 января 1992 г. был принят новый закон «О прокуратуре РФ»², в котором одним из основных направлений деятельности прокуратуры было названо осуществление уголовного преследования, при этом в ст. 27 Закона было предусмотрено, что, «осуществляя уголовное преследование, прокуратура проводит расследование по делам о преступлениях, отнесенных уголовно-процессуальным законом к ее компетенции». Указанная норма дала новый толчок к рассмотрению в науке уголовно-процессуального права уголовного преследования в значении «производство по уголовному делу».

По данному поводу учеными-процессуалистами были высказаны различные мнения.

Так, В. Савицкий рассматривал уголовное преследование как «стержневую функцию прокуратуры», включающую и надзор за расследованием преступлений, и опротестование незаконных

---

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

² О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 // Российская газета. – 1992. – 18 февраля. – № 39.

судебных решений¹. З. Д. Еникеев считал уголовное преследование «главным назначением прокуратуры»; по его мнению, уголовное преследование «начинается с этапа возбуждения уголовного дела, продолжается в течение всего производства по делу до окончательного его разрешения»². В свою очередь, М. С. Шалумов указывал, что уголовное преследование является дополнительной функцией прокуратуры, включающей «и возбуждение процесса расследования, и само расследование обстоятельств преступления, и поимку преступника, и доказывание его виновности в судебном заседании»³. Не меньший интерес представляет мнение З. З. Зинатуллина, который отмечал, что «уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т.е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания»⁴. А. В. Голощапов справедливо обращал внимание на то, что понятия «уголовное преследование» и «уголовная ответственность» необоснованно смешиваются: «В таком случае можно подумать, что уголовная ответственность – это понятие материально-правовое, относящееся к сфере уголовного права, в то время как уголовное преследование – это понятие уголовно-

---

¹ Савицкий, В. Стержневая функция прокуратуры – осуществление уголовного преследования / В. Савицкий // Российская юстиция. – 1994. – № 10. – С. 24 – 28.

² Еникеев, З. Д. Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы / З. Д. Еникеев // Известия вузов. Правоведение. – 1995. – № 4 – 5. – С. 84 – 85.

³ Шалумов, М. С. Уголовное преследование как функция прокуратуры // М. С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 88.

⁴ Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск: Детектив-информ, 1997. – С. 7 – 8.

процессуальное, отражающее наименование одной из основных уголовно-процессуальных функций»¹.

В научных трудах некоторых ученых того периода категория «уголовное преследование» рассматривалась и в значении «процессуальная деятельность в отношении конкретного лица». Например, А. Б. Соловьев полагал, что «функция уголовного преследования реализуется при возбуждении уголовного дела против конкретного лица, его задержании, применении меры пресечения до и после предъявления обвинения, привлечении к уголовной ответственности, а также при производстве в соответствии с судебным решением следственных действий, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых»². По мнению Ф. Багаутдинова, «возбуждение дела является лишь началом расследования, которое при наличии соответствующих обстоятельств может завершиться и без уголовного преследования»³.

Незадолго до принятия УПК РФ в свет вышло второе (после М. С. Строговича) монографическое издание, посвященное уголовному преследованию, - книга З. Д. Еникеева «Уголовное преследование». В своем исследовании автор предложил рассматривать уголовное преследование как правовой институт: «Как институт оно складывается из норм, имеющих отношение к данной деятельности, начиная с возбуждения уголовного дела и кончая последней стадией уголовного процесса, а при определенных условиях даже мерами постпенитенциарного воздействия». При этом, по мнению З. Д. Еникеева в данный институт входят «нормы различных отраслей права: международного, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-

---

¹ Голощапов, А. В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования / А. В. Голощапов // Юридическая наука Сибири. – Кемерово, 1997. – С. 182.

² Соловьев, А. Б. Указ. статья. – С. 141.

³ Багаутдинов, Ф. Уголовное преследование и правозащитная функция суда / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. – 2000. – № 8. – С. 28.

исполнительного, гражданского, прокурорско-надзорного, трудового, семейного и т.д. Отсюда названный институт носит межотраслевой, многоплановый, комплексный характер»¹. Не вступая пока в дискуссию с уважаемым автором относительно содержания института уголовного преследования², необходимо отметить заслугу З. Д. Еникеева, который первым из российских процессуалистов осознал системную роль категории «уголовное преследование».

В 1996 г. термин «уголовное преследование» был использован законодателем в Уголовном кодексе РФ. Так, ст. 201 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управляющие функции в коммерческой или иной организации. В примечании к данной статье содержится указание на то, что в случае причинения вреда исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, *«уголовное преследование»* осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия». Высказывая свое мнение относительно использования термина «уголовное преследование» в Уголовном кодексе РФ, В. П. Божьев справедливо отметил: «Такой феномен, как «уголовное преследование», действующему УПК РСФСР не известен. По своему содержанию он (термин) носит уголовно-процессуальный характер и до получения им «права гражданства» в уголовно-процессуальном законодательстве внедрять его в другие отрасли законодательства представляется преждевременным»³.

Термин «уголовное преследование» использовался и в решениях Конституционного Суда РФ – как в значении «процессу-

---

¹ Еникеев, З. Д. Уголовное преследование. Учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2000. – С. 8-9.

² Отдельные положения работы З. Д. Еникеева будут рассмотрены в дальнейших частях настоящего исследования.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: С постатейными материалами / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: СПАРК, 2000. – С. 75.

альная деятельность в отношении конкретного лица», так и в значении «функция уголовного судопроизводства». Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. было предусмотрено, что «решение о возбуждении уголовного дела может указывать на лицо, в отношении которого начинается уголовное преследование, тем самым фактически ставит его в положение подозреваемого»¹. В Постановлении от 14 января 2000 г. №1-П Конституционный Суд РФ указал: «Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием» (абз. 2 п. 4); при этом Конституционный Суд рассматривал «возбуждение уголовного дела как проявление функции уголовного преследования» (абз. 3 п. 6)². Кроме того, Конституционный Суд использовал также и понятие «возбуждение уголовного преследования»: «Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве предполагает, что полномочиями возбуждать уголовное преследование и формулировать обвинение наделяются только определенные органы и лица, которые, реализуя данные полномочия, преследуют цель защиты либо публичного, либо своего личного интереса, нарушенного преступлением»³.

---

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и Общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобами гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 5. – Ст. 611.

³ По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного

Наконец, категория «уголовное преследование» активно использовалась в проектах УПК РФ. Так, проект, подготовленный Государственно-правовым управлением Президента РФ (далее сокращенно – Проект УПК ГПУ), предусматривал определение уголовного преследования, которое, судя по юридической конструкции, легло в основу определения в действующем УПК РФ. В главе 5 «Основания осуществления уголовного судопроизводства» разграничивались основания возбуждения производства по уголовному делу (ст. 49) и основания осуществления уголовного преследования (ст. 53). В частности, ч. 1 ст. 53 закрепляла, что «прокурор, следователь и дознаватель в пределах своей компетенции привлекают в качестве обвиняемого и предъявляют обвинение всякому лицу, которое изобличается собранными по уголовному делу материалами в совершении деяния, запрещенного уголовным законом»¹.

В другом проекте, разработанном Министерством юстиции РФ (далее сокращенно – Проект УПК Минюста)², определение уголовного преследования предусмотрено не было. Вместе с тем, глава 3 этого Проекта называлась «Виды уголовного преследования и обвинения», в ней содержались нормы, впоследствии включенные в главу 3 действующего УПК РФ. В этой же главе

суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

¹ Российская юстиция. – 1994. – № 9. – С. 20 – 22.

² При подготовке данного проекта УПК были использованы проекты, разработанные в Институте государства и права РАН и НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ (См.: Новый законопроект // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 35.). Впоследствии данный Проект был использован как материал для деятельности созданной при Комитете по законодательству и судебной-правовой реформе Государственной Думы РФ рабочей группы по подготовке проекта нового УПК (См.: Пашин, С.А. Предисловие // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ: Сб. ст. / Под ред. С. А. Пашина. - 2-е изд., доп. – М.: Р. Валент, 2000. – С. 4.).

закреплялись обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу (ст. 26) и основания прекращения уголовного дела с освобождением от уголовной ответственности (ст. 27), некоторые из которых в действующем УПК РФ рассматриваются как основания прекращения уголовного преследования.

Таким образом, учитывая, что Проект Минюста не содержал определения уголовного преследования, а также не использовал данный термин при регулировании прекращения производства в отношении конкретного лица, необходимо заключить, что нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений обоих проектов УПК, один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой – как производство по уголовному делу. Именно такое непоследовательное регламентирование отдельных частей будущего УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное историко-правовое исследование возникновения, становления и развития понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве позволяет сделать следующие выводы:

1. Возникновение в российском уголовном судопроизводстве понятия «уголовное преследование» связано с Судебной реформой 1864 г., в ходе которой отечественным уголовным процессом был заимствован ряд правовых категорий и институтов французского уголовного судопроизводства, в частности, использовавшиеся во французском Кодексе 1808 г. категории «l'action publique» и «poursuite», на основе которых российским законодателем были разработаны и включены в УУС 1864 г. такие понятия, как «судебное преследование», «уголовное преследование», «преследование».

2. В системе указанных понятий «уголовное преследование» обозначало процессуальную деятельность в отношении конкретного лица. Употреблявшееся в УУС 1864 г. понятие «изобличение» не рассматривалось как цель уголовного преследования, а являлось названием процесса доказывания по уголовному делу. В целом, понятие «уголовное преследование» в УУС 1864 г. носило общий характер и использовалось законодателем при регулировании приостановления, прекращения и возобновления производства по уголовному делу.

3. Первые шаги советской власти по реформированию уголовного судопроизводства привели не только к ликвидации законодательной основы уголовного преследования (в том смысле, в каком оно понималось в УУС 1864 г.), но и к ликвидации самих органов, его осуществлявших. В новых советских уголовно-процессуальных законах – в УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г., перенявших многие категории и процессуальные институты дореволюционной системы уголовного судопроизводства, не употреблялись такие категории, как «судебное преследование» и «преследование». Понятие «уголовное преследование» было сохранено, однако оно имело двойное значение: 1) производство по уголовному делу; 2) процессуальная деятельность прокуратуры.

4. В УПК РСФСР 1960 г. законодатель отказался от использования понятия «уголовное преследование». Единственным «наследием» дореволюционного уголовного процесса в УПК РСФСР 1960 г. в части регламентации уголовного преследования остался термин «изобличение», под которым понималось фактическое установление и формальное доказывание вины лица в совершении преступления.

5. Период разработки УПК РФ, который начался 24 октября 1994 г. с утверждения Верховным Советом РСФСР Концепции судебной реформы, характеризуется возрождением интереса к исследуемой категории. Законодатель использовал данное понятие в принятом в 1992 г. Законе «О прокуратуре», употребил его в Уголовном кодексе РФ 1996 г. Кроме того, понятие «уголовное преследование» активно использовалось в решениях Конституционного Суда РФ. В научной литературе предложено рассматривать уголовное преследование в качестве нового межотраслевого института права.

6. Нормативное закрепление института уголовного преследования в действующем УПК РФ есть результат законодательной компиляции положений основных проектов УПК (Проекта УПК ГПУ и Проекта УПК Минюста), один из которых рассматривал уголовное преследование как процессуальную деятельность в отношении конкретного лица, а другой – как производство по уголовному делу. Именно такое непоследовательное регламентирование отдельных частей будущего УПК РФ, как представляется, стало причиной для существующих в настоящее время дискуссий о правовой природе и понятии уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

Законодательство Государства Российского и Российской Империи

1. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. / Отв. ред. А. Г. Маньков. – Т. 3. Акты Земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 83–257.
2. Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. / Отв. ред. А. Г. Маньков. – Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 327–365.
3. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Отв. ред. Б. В. Виленский. – Т. 8. Судебная реформа. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 120–251.

Законодательство РСФСР

4. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
5. О третейском суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 16 февраля 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1918. – № 28. – Ст. 366.
6. О суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 18 февраля 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 25 мая 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 20 – 21. – Ст. 230.
8. О прокурорском надзоре: Положение, утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 28 мая 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 36. – Ст. 424.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 года // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.
10. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. - № 40. – Ст. 592.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825 // Российская газета. – 1992. – 17 июня.
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации: Закон РФ от 21.12.1996 года № 160-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5881.
14. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

Законодательство Российской Федерации и иные официальные документы

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 года № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52. - Ст. 4921.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
17. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 года №2202-1 // Российская газета. – 1992. – 18 февраля. – № 39.
18. О проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Государственной Думы РФ от

- 06.06.1997 № 1498-П ГД // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 25. – Ст. 2895.
19. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 года № 1-П // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 5. – Ст. 611.
  20. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и Общества с ограниченной ответственностью «Моноком»: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1749.
  21. По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // Собрание законодательства. – 1996. – № 50. – Ст. 5679.

II. ЛИТЕРАТУРА

Монографии, учебники, комментарии УПК

22. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству (Печатается по изданию: СПб: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1841)/ Я. И. Баршев. – М.: ЛексЭст, 2001. – 240 с.
23. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс / С. И. Викторский. – М.: Казенная железнодорожная Типография Московского узла, 1911. – 320 с.
24. Головкин, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головкин. – М.: СПАРК, 1995. – 130 с.

25. Громов, В. Предварительное расследование в советском уголовном процессе. Руководство для органов расследования и пособие для юридических курсов. Изд. 6-е, перераб. / В. Громов; Под ред. Н. В. Крыленко. – М.: ОГИЗ, 1935. – 240 с.
26. Джаншиев, Г. А. Основы судебной реформы / Г. А. Джаншиев. – М.: Статут, 2004. – 316 с.
27. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование. Учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа: Изд-во Баш. гос. ун-та, 2000. – 131 с.
28. Зеленецкий, В. С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе / В. С. Зеленецкий. – Харьков: Вища школа, 1979. – 144 с.
29. Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З. З. Зинатуллин, Т. З. Зинатуллин. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск: Детектив-информ, 1997. – 114 с.
30. Квачевский, А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. В 3 т. / А. Квачевский. – СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. – Т. 1. – 352 с.
31. Кони, А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т. / А. Ф. Кони. – М.: Юрид. лит., 1967. – Т. 4. – 543 с.
32. Королев, Г. Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: Монография / Г. Н. Королев. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 360 с.
33. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А. М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1986. – 160 с.
34. Линовский, В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – М.: ЛексЭст, 2001. – 240 с.
35. Михайленко, А. Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А. Р. Михайленко. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. – 151 с.
36. Муравьев, Н. В. Из прошлой деятельности. Статьи по судеб-

- ным вопросам / Н. В. Муравьев. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – Т. 1. – 587 с.
37. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г. А. Лемана, 1913. – 337 с.
38. Рахунов, Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / Р. Д. Рахунов. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1954. – 88 с.
39. Случевский, В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп. / В. Случевский. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910 – 664 с.
40. Смирнов, А. В. Состязательный процесс / А. В. Смирнов. – СПб.: Альфа, 2001. – 320 с.
41. Смолькова, И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе / И. В. Смолькова. – М.: Луч, 1999. – 336 с.
42. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. / М. С. Строгович. – Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968. – 470 с.
43. Строгович, М. С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде / М. С. Строгович; Под ред. А. Я. Вышинского. – М.: Сов. зак-во, 1934. – 47 с.
44. Строгович, М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М. С. Строгович. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 191 с.
45. Строгович, М. С. Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 312 с.
46. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: С постатейными материалами / Сост. В. П. Божьев, Н. Б. Буйнова; Под общ. ред. В. М. Лебедева. – . Комментарий. 3-е изд. / Под общ. ред. В. М. Лебедева. – М.: СПАРК, 2000. – 1039 с.
47. Уголовный процесс. Учебник / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: Проспект, 2001. – 520 с.
48. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / При участии: сенаторов А. Ф. Кони, В. К. Случевского, Н. С. Таганцева и др.; Под общ. ред. проф.

- М. Н. Гернета. – Вып. III.: Ст.ст. 249 – 594. – М.: Изд-во А. И. Мамонтова, 1914. – 944 с.
49. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И. Я. Фойницкий. – Т. I (Печатается по третьему изданию. СПб, 1910). – СПб.: АЛЬФА, 1996. – 552 с.
50. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. / И. Я. Фойницкий. – Т. II (Печатается по третьему изданию. СПб, 1910). – СПб.: АЛЬФА, 1996. – 606 с.
51. Хрестоматия по уголовному процессу России / Составитель Э. Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – 272 с.
52. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Изд. 2-е, перераб. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1951. – 511 с.
53. Чельцов-Бебутов, М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – 846 с.
54. Шевченко, И. А. Процессуальные и организационно-методические проблемы возбуждения производства по уголовному делу / И. А. Шевченко. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. – 178 с.
55. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Л.: Изд-во Ленин. гос. ун-та, 1963. – 172 с.
56. Яхнич, Л. М. Краткое руководство по ведению предварительного следствия. Пособие для народных следователей и слушателей юридических школ / Под ред. М. С. Строговича. – М.: Сов. зак-во, 1936. – 91 с.

Научные статьи

57. Багаутдинов, Ф. Уголовное преследование и правозащитная функция суда / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. – 2000. - № 8. – С. 27 – 28.
58. Голощапов, А. В. К вопросу о понятии и сущности функции уголовного преследования / А. В. Голощапов // Юридическая наука Сибири. – Кемерово, 1997. – С. 182 – 183.

59. Голунский, С. О возбуждении уголовного преследования / С. Голунский // Соц. законность. – 1936. – № 2. – С. 38 – 42.
60. Еникеев, З. Д. Актуальные вопросы уголовного преследования в свете судебно-правовой реформы / З. Д. Еникеев // Известия вузов. Правоведение. – 1995. – № 4 – 5. – С. 84 – 88.
61. Жгутов, В. К вопросу о возбуждении уголовного преследования / В. Жгутов // Соц. законность. – 1936. – № 9. – С. 65 – 66.
62. Житков, В. О подозреваемых и обвиняемых и об «уголовно-преследуемом» свидетеле / В. Житков // Советская юстиция. – 1937. – № 9. – С. 16 – 17.
63. Жук, О. Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России / О. Д. Жук // Законодательство. – 2004. – № 2. – С. 77 – 87.
64. Карев, Д. С. Вопросы уголовного процесса в связи с проектом УПК СССР / Д. С. Карев // Соц. законность. – 1954. – № 2. – С. 28 – 29.
65. Коссов, И. А. Судебная реформа 1922 г. и российское уголовно-процессуальное законодательство / И. А. Косов // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практич. конф. – Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. – Загл. с экрана.
66. Кукаров, А. С. Об уголовном преследовании / А. С. Кукаров // Сов. гос-во и право. – 1958. – С. 106 – 107.
67. Ларин, А. М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования / А. М. Ларин // Сов. гос-во и право. – 1975. – № 7. – С. 95 – 103.
68. Михайленко, А. Р. О правовой природе начала уголовного процесса / А. Р. Михайленко // Вопросы уголовного процесса. Межвуз. науч. сб. Вып. 2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. – С. 39 – 51.
69. Муравьев, Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 7. – С. 1 – 66.
70. Панга, М. С. Возбуждение уголовного дела и возбуждение

- уголовного преследования / М. С. Панга // Вопросы уголовного права и процесса. Сб. статей. – Минск: Изд-во Беларус. гос. ун-та, 1960. – С. 129 – 145.
71. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Государственно-правового управления Президента Российской Федерации // Российская юстиция. – 1994. – № 9. – С. 2 – 92.
72. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Министерства юстиции Российской Федерации // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 35 – 63.
73. Смирнов, В. П. История состязательности в науке российского уголовно-процессуального права / В. П. Смирнов // История государства и права. – 2001. – № 4. – С. 31 – 37.
74. Чельцов, М. Возбуждение уголовного преследования и процессуальное положение следователя / М. Чельцов // Соц. законность. – 1937. – № 3. – С. 28 – 35.
75. Шалумов, М. С. Уголовное преследование как функция прокуратуры / М. С. Шалумов // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 87 – 93.

Словари, энциклопедии, справочники

76. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 3. – 555 с.
77. Краткий словарь иностранных слов: Ок. 8000 слов / Авт.-сост. Е. А. Гришина. – М.: АСТ, 2005. – 639 с.
78. Правовые системы стран мира: Энциклопедический справочник / Отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. Я. Сухарев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2003. – 976 с.
79. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книг. – Т. 1. – 704 с.
80. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книг. – Т. 2. – 688 с.

81. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книг. – Т. 3. – 672 с.
82. Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака, Ж. Триомфа. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1998. – 1056 с.

Литература на иностранных языках

83. CODE d'instruction criminelle de 1808 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle/code_1808_1.htm, свободный. – Загл. с экрана.

Учебное издание

Мазюк Роман Васильевич

Возникновение, становление и развитие
понятия «уголовное преследование»
в российском уголовном судопроизводстве

Учебное пособие

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 02.04.07.

Подписано в печать 13.03.07. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. п. л. 4,9. Уч.-изд. л. 4,4. Тираж 100 экз. Заказ

Издательство Байкальского государственного
университета экономики и права
664003, Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУЭП.